

Татяна Иванъко



КЛЮЧИ И...

18+

Татьяна Иванько

Ключи и...

«Автор»

2026

Иванько Т. В.

Ключи и... / Т. В. Иванько — «Автор», 2026

Продолжение книги "Ключи и замки". Будущее планеты, наполненное новыми технологиями, будет светлым и ясным или снова заполнится несправедливостью и враждой?.. Жажда власти с одной стороны и жажда свободы с другой перевернули мир, образовав два полюса, которые неминуемо вступят в противоборство. Вернигоры разделились, разделяя и мир, пробуждая скрытые и спящие до сих пор в мире силы к возрождению и борьбе. "...Я открыла глаза, кажется, сразу после того как я прочла молитву, для меня наступила душная, пахнувшая горячим железом темнота. И тишина. Очень глубокая тишина и глухая тьма. Но потом тьма и тишь начали рассеиваться, снова появились запахи, но уже не зла и боли, нет, меня окутывал совсем другой аромат, нежный и тёплый и такой родной, мой... Должно быть, я залетела в своих мечтах туда, куда стремилась моя душа, или Бог услышал меня и... Надо открыть глаз и посмотреть, даже почему мне так хорошо..."

© Иванько Т. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Преступник	5
Глава 2. Странно всё...	12
Глава 3. Кто ты нынче, Серафим?..	18
Глава 4. Что я...	27
Глава 5. Чайки	35
Глава 6. Кулибин	43
Глава 7. Смешной подросток	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Татьяна Иванько

Ключи и...

Глава 1. Преступник

– Всеслав! – в ужасе вскричал я, увидев, как он рухнул от удара в шею.

Что это? Удар этого проклятого гориллы будто срубил Всеславу голову. Помимо слабости, нарастающей в моём теле от раны под ребрами, из которой текла ручьём кровь, меня охватил ужас, что Всеслав убит. Если он убит, если он умер, что будет с Ли? Сможет она это пережить... мне было больно думать о том, что нет, что она не переживёт его смерти...

Я не знал, где Ли сейчас, я даже не мог понять, жива ли она, моя физическая оболочка была в таком состоянии, что мне самому оставалось несколько минут, возможно, потому что Ли мертва...

Но сейчас я не должен был думать об этом, не позволять себе, иначе умрём мы все. Сейчас я должен был помочь Всеславу, ради неё, ради моей Ли. Если она жива, необходимо, чтобы был жив и он. Я подполз к Всеславу, зажимая свою рану, из которой торчал короткий чёрный нож, каждое движение причиняло мне пронзающую до самой спины боль, и плохо двигались ноги, немея. И это я ещё не видел, что за мной тянулась широкая кровавая полоса.

– Всеслав... господин Всеслав, – спохватился я, негоже называть господина только по имени.

Я тронул его... Господи, он не дышит... он так бледен, мне стало страшно, убит... Господи, только не это.

– Всеслав... только не это... Ты слышишь?!.. – я толкнул его в бок, но от резкого движения у меня потемнело в глазах. Это разозлило меня, я уже не думал, прилично ли называть этого паразита просто по имени. Я потряс его ещё, он был безучастен, как тряпичная кукла, да как тряпка, чёрт его дернул... – Всеслав! Всеслав... Мерзавец! Господи... проклятый мерзавец, как же я ненавижу тебя!..

Бесполезно, он болтался как мешок с его проклятой требухой. Невозможно, чтобы он умер. Я сам холодел, чувствуя, что вот-вот потеряю сознание. Я перепачкал его своей кровью... И вдруг... мне пришлось в голову... мне пришлось в голову такое... Я потом вспоминал это мгновение, изумляясь самому себе. Я вырвал нож из своего бока и полоснул себя по запястью, даже не почувствовав, потому что почти ослеп от той боли, что разорвала меня надвое, кровь хлынула мне на пальцы и из раны на запястье на лицо Всеслава, на его губы, прямо ему в рот...

...Я словно вынырнул из глубины, хватая ртом воздух с жадностью отпущенного на свободу. Что это было со мной? Неужели... я умер? Умер, а теперь ожил. Ожил точно. Я начинал чувствовать запахи, странный запах, что сразу удивил меня здесь, на этой полярной станции, потом различил какой-то странный звук рядом, не мог ещё понять, что именно за звук, что-то странное, а во рту какой-то вкус... какой-то чудесный...

Я открыл глаза, мир начал проступать из красноватого тумана, оказалось, шея ужасно болит... я лежал навзничь, и... Тут я всё вспомнил, и в ужасе, что Ли, быть может, лежит тут рядом раненая и именно она так задыхается, булькая, я сел, оглядываясь по сторонам. На лице у меня что-то мокрое и липкое, ещё не открывая глаз, я попытался вытереться...

Нет, Ли не было, но здесь был Серафим, истекающий кровью. Я вскочил, выбежал в коридор, крича о помощи, мне кажется, я никогда так громко и отчаянно не кричал. А сам вернулся к Серафиму, думая только об одном, Ли нигде нет, похоже, этот громила, что ударил

меня, и увёз её, ещё не знаю, как он это сделал, ведь отсюда не улетишь, как обычно. И теперь, чтобы её найти, мне нужен Серафим.

Я наклонился над ним, удивительно, до чего он красив... невольно подумал я, умирающий Ангел, и правда, казался красивее обычного. Я зажал его рану руками, как мог, скомканной одеждой, валявшейся рядом, я так и не успел одеться...

– Серафим, не вздумай... не вздумай умереть... Разве ангелы умирают?.. Серафим!.. – я смотрел в его лицо, надеясь, что его веки дрогнут, и он оживёт, но пока всё было тщетно. С другой стороны, нервно думал я, если кровь продолжает сочиться из раны, значит, сердце ещё бьётся, и он жив.

Наконец, прибежали на помощь, оттеснили меня, деловито склоняясь над Серафимом, и попутно расспрашивая, что произошло. Серафима подняли и унесли, я ринулся, было, за ним, но меня остановили.

– Что здесь произошло? – суровые лица, суровые глаза.

– На нас напали, – ответил я, подавляя первое желание послать их к такой-то матери, как они смеют меня допрашивать. Но мне была нужна их помощь, и не нужно обнаруживать, кто я, поэтому, я выдохнул, опуская лицо, чтобы они не видели моих горящих глаз.

– Напали? Кто?

– Я не знаю, – честно признался я.

– Вы любовники с тем человеком? С раненым? – ещё строже спросили меня.

– Что?! – я даже рот открыл. – Да вы что... Нет!

– Кто признается... – хмыкнул кто-то. – Глупо спрашивать.

– Я бы признался, – зло сказал я, выпрямляясь. – Он мне не любовник, он мой раб.

– В Антарктиде рабов и господ нет, – сказал кто-то глубоким голосом, и прозвучало это гордо, почти высокомерно.

В маленькую каюту вошёл человек, коренастый и широколицый, русоволосый, с красивыми пышными усами и бородой, не так как большинство здесь, и с волной густых русых, с рыжинкой, волос надо лбом. И глаза у него были с рыжинкой, зелёные.

Он долго смотрел на меня, потом обернулся на остальных, а людей набежало и набилось в каюте уже десятка полтора, и ещё прибывали, судя по звукам из коридора. Под его взглядом все умолкли, он выбрал одного, из стоявших рядом.

– Что здесь произошло?

Мне было плохо видно, но судя по тому, как старательно затараторил тот, кого спрашивали, как старался, не моргая смотреть в глаза этому главному, чьё имя я услышал в следующее мгновение, этого главного все уважали и боялись.

– Роман Романыч, убийство... Вот этот ранил второго, мы застали, вроде ещё живым, но он плох. Ребята понесли в лазарет... Этот утверждает, что они не любовники, но нам кажется, врёт, он вон... голый. И в кровянице весь... Говорит, тот раб его...

– Как будто это мешает... – хохотнул кто-то в толпе.

– Помогает, скорее...

Но смешки тут же оборвались, когда Роман Романыч, не торопясь, обернулся на них.

– Прекратить свиной балаган! – тихо сказал он. – Кому тут весело от преступления? Разврат и убийство кого-то веселят? Так я отправлю на большую землю насладиться этим вполне.

После он снова, не спеша, обернулся к первому, говорившему, похожему на бритого верблюда и сказал:

– Всем разойтись. Кевин, отведите этого юношу ко мне. Каюту запереть, только Джеки может войти и осмотреть здесь всё. Передайте, я его жду с докладом.

– Роман Романыч, я здесь! – подал голос кто-то из толпы.

И через несколько мгновений протиснулся маленького роста черноволосый уроженец Востока, похожий на статуэтку их, китайского божка, но не из толстячков, а очень стройный, поджарый, как доберман.

– Кто ещё не слышал, всем разойтись! – сказал этот Джеки. – Всё затоптали...

Он скользнул по мне острым взглядом, мне показалось, как лазерный сканер. Роман Романыч вышел, толпа начала редеть.

– Оденьте его, – сказал Кевин тем, кто шагнул ко мне, чтобы проводить к этому их Роману Романычу. – Ни к чему в таком виде по станции бегать.

Я в общем-то не был совсем уж обнажённым, не знаю, чего они так уж кривились, термобельё я всё же успел натянуть, как и Ли, до того, как этот лохматый гризли ударил меня, понятно, что все они одеты в свои толстые свитера и комбинезоны, тут, что называется, время будто остановилось, несмотря на совершенное отопление, микроклимат, особые материалы, полимеры, сделанные, как и всё почти сейчас из переработанного мусора прошлых веков. А эти одеты до сих пор как двести и триста лет назад в толстючие свитера и клетчатые рубашки. Хорошо хоть ботинки современные...

Мне принесли одежду, потому что моя была вся в крови, и даже позволили умыться, смыть кровь с рук, и с лица, вот как я спасал Серафима, что весь перемазался в его крови как вампир. А после Кевин повёл меня по коридорам, ничего не говоря, я чувствовал себя арестантом, чувствую, к тому и идёт.

Я вошёл в обшитую красным деревом старомодную каюту с гостиной и кабинетом, спальня пряталась от меня за дверью с инкрустациями. Откуда он её, с «Титаника», сюда притащил, любит роскошь, что ли? Для обитателя полярной станции странно...

– Садитесь, – он обернулся на меня. – Оделись, хорошо, мы хоть и без предрассудков, но, сами знаете, сейчас не приветствуется...

– Прекратите уже! – разозлился я. – Я не интересуюсь сексом с мужчинами.

Роман Романыч кивнул и пожал плечами, подняв руки, будто говоря, «мне всё равно, заявлять на вас я не собирался», надо же, глупость какая...

Роман Романыч налил воды в стакан, поставил передо мной. Стакан хрустальный, как и графин, который был снабжён серебряной крышечкой, так делали в семнадцатом веке, такая посуда была в Оссенхоффе. Он непростой, этот Роман Романыч, странно... почему я не знаю его? Очевидно, что он из этих, potestas, так почему мне он не знаком? Или он вроде Белтца? Тот преступным нижним миром руководит, этот вот этим, полярным? Хотя... чем тут руководить, я уже на пустом месте начинаю видеть заговор... Но ведь Ли исчезла. Не пригрезилась же она мне. Как этого спросить об этом, уж очень хитрый у него вид...

– Со мной была девушка... – сказал я.

– Уже легче, – усмехнулся Роман Романыч. – Но кто она? И где теперь?..

Кто... так я тебе и сказал!

– Не имеет значения, кто, важно, что она пропала! На нас напали и...

Увидев моё замешательство, Роман Романыч, кивнул, садясь за стол, тоже из настоящего дерева, резной и полированный. Эти-то, все прочие, наверное, и не понимают, насколько все вещи, окружающие их предводителя, отличаются от тех, которыми пользовались они все. Когда мы с Ли жили в миру, отмечали, что люди, которые с детства не видели натуральных тканей и материалов, совершенно не отличали их от полимеров, из которых было сделано всё, от посуды и еды до зданий и одежды.

– А может быть, всё обстояло иначе? – он смотрел на меня своим холодноватым болотистым взглядом, впрочем, у меня самого глаза с зеленью, что мне всегда не нравилось, какой-то отвратительный цвет. – Расскажите.

– Я же говорю, я был с девушкой и к нам ворвался...

Роман Романыч откинулся на обитую мягкой тёмно-зелёной кожей спинку кресла, замыкая между собой крупные кривоватые пальцы. Кожа на руках у него была слишком сухой и выдавала возраст, он намного старше, чем мне показалось на первый взгляд.

– Послушайте, молодой человек, я понимаю всё, вам не хочется оказаться в тюрьме, это вполне нормальное желание. Но... давайте я вам расскажу, что произошло, а вы только спокойно подтвердите. В благодарность за это обещаю замять дело, если ваш... э-э... раб останется жив... Согласны?

Я не был согласен, но решил выслушать его, чтобы понять, что он вообще думает. Мне надо было сориентироваться и понять, как быть дальше слишком много всего за какие-то минуты...

– Вы с вашим... э-э... рабом пришли в отдалённую часть станции в надежде, что вас там никто не застанет, и решили... Ну, скажем так, развлекся. Что у вас с ним пошло не по плану, он не захотел, или вы заигрались в вампиров или... я уже не знаю, во что, но вы ударили его ножом. Аффект понятен, сильное сексуальное возбуждение и страсть, и тут же ссора, любой человек мог...

– Да нет же! Нет! Серафим никакой мне не любовник, он... ну словом, он следил, чтобы никто не помешал нам с... с моей девушкой. Но этот... я не знаю его, не видел прежде... Он влетел и набросился на нас! Я только видел раненого Серафима, а... потом тот ударил меня в шею и... всё пропало. Когда я очнулся, со мной рядом был только Серафим. И он... умирал...

Я не заметил в пылу своей речи, что в каюту вошёл давешний сушёный богатырь Джеки, и смотрел сейчас на меня зоркими чёрными глазами.

Роман Романыч перевёл усталый взгляд на него.

– Я закончил, мастер, – сказал Джеки, странно называя Романа Романовича мастером. В чём он, интересно знать, мастер. – Я осмотрел комнату, где всё произошло. Там был секс. Я не знаю, что произошло далее, но на ноже отпечатки раненого. Крови много, вы это видели, кровь того, кто в лазарете. Но этот был без сознания некоторое время. Минут... минуты четыре. Возможно, они сцепились, этот человек ранил того, что сейчас в лазарете, и сам упал без сознания. А придя в себя, выдернул нож из раны раненого, чтобы добить его. Возможно, спасая свою жизнь, не знаю, но...

– Так вы сами сказали, что на ноже отпечатки раненого. Как же я мог вытащить нож...

– Он мог взять его после, чтобы ударить вас, но потерял сознание.

– И я стал звать на помощь, чтобы его спасти... Вы что, Джеки?

Тот равнодушно пожал плечами, словно говоря: «только факты и ничего более».

Роман Романыч выразительно посмотрел на меня.

– Возможно, вы запаниковали. Испугались, что тело обнаружат, и на закрытой станции вас всё равно найдут.

– Так найдите того, кто напал на нас! – воскликнул я. – На вашей закрытой станции...

– Невозможно чёрную найти кошку в тёмной комнате...

Мне захотелось кинуться на него и прибить немедленно, я даже рванулся вперёд, но Роман Романыч, отпрянул, а Джеки, вцепившись мне в плечо железными пальцами, усадил обратно в кресло.

– Сидите смирно, – тихо пророкотал Роман Романыч.

В этот момент вошла какая-то крупная феноменально некрасивая женщина, кивнула Джеки в приветствии, и двинулась к столу.

– Раненый жив, пойдёт на поправку, сильный организм... Но преступника тоже надо осмотреть...

– Я не преступник, – спокойно сказал я.

Женщина пожала плечами, будто говоря «мне всё равно».

– Вот как, Анна Григорьевна, вы с корабля на бал, – доброжелательно и даже с удовольствием улыбнулся Роман Романыч, оказывается, он не такой сухарь, это я ему не нравлюсь, значит? Ну и плевать, я вообще мало, кому нравлюсь.

– Да, странно только, фельдшер, что со мной летел, запропастился, пришлось сестру заставлять, а это не её работа...

– Фельдшер? Ко мне никто не приходил представляться, – нахмурился Роман Романыч.

– Ну, может быть, не разобрался с распорядком, уснул в каюте с дороги, перелёт у нас был трудный...

Что-то в этих её словах протянуло меня, как сквозняком, перелёт... почему, мне кажется это важным?

Анна Григорьевна обернулась на меня.

– Я должна осмотреть вас, – сказала она.

Мне было всё равно, я всё думал, что же из того, что она говорила Роману Романычу, было, в действительности, важным...

– Мне проводить их в лазарет? – спросил Джеки Романа Романовича.

Тот посмотрел на меня с явным отвращением.

– Не стоит. Бежать некуда, самолёт улетел десять минут назад, – сказал он.

Самолет... самолёт... Это ведь тот, на котором и я прилетел сюда... Самолёт... ну, конечно! Я вспомнил и эту тётку, вслед за которой должен был идти в лазарет, и того, кто сидел с ней рядом...

– Это он! Это он! – воскликнул я.

– Что?.. Кто «он»?! – нахмурился Роман Романыч.

Анна Григорьевна тоже обернулась.

– Ну этот, кто летел с вами... Знакомый ваш, ну то есть, фельдшер... Он и напал... как это я сразу-то... Здоровенный такой, чёрный, натуральный гризли... не знаю, индеец, может быть...

Она смотрела с изумлением несколько мгновений, но потом мотнула головой.

– Ах да... я видела вас тоже... что же вы... только прилетели и уже набедокурили... – растерянно проговорила она.

– Набедокурил... – хмыкнул Роман Романыч. – Попытка убийства как-то не очень вписывается в это слово... да и разврат...

– Да не было никого разврата! – воскликнул я. – Услышьте вы меня! Где он, этот «гризли», если не он напал на нас?! И где...

Я не хотел произносить имя Ли при них, сдержался в последний момент.

– Найдите его и вы поймёте, что я не лгу!

– Что вы... что вы наговариваете, ведёте себя как сумасшедший... – проговорила Анна Григорьевна, зачем-то посмотрела на Джеки, и... в следующее мгновение меня скрутили и... моего плеча коснулось что-то, после чего я потерял сознание.

Сколько времени я провёл без сознания, не берусь и предполагать, я очнулся снова от местного странного запаха, а потом уж услышал голоса.

– Перелом гортани, не понимаю, как он жив и... даже говорит. Я в аппарат под токи положила, конечно, как положено в таких случаях. Он жёсткий наркоман, понятно, что в прошлом, причём далёком, не представляю, на вид вроде бы так молод... словом, я жалею, что применила к нему наркоз. Особенно теперь, когда выяснилось, что он говорил правду...

А-а-а... это Анна Григорьевна раскаялась, вот ведь... даже голос вроде мягкий, жалеет она... придушить тебя, образина, за твои уколы, надо будет обязательно сказать об этом Никитину, боюсь, он будет недоволен, что я попал в такой переплёт, едва он меня вытащил с того света. Но это всё после. Она сказала, мои слова подтвердились, значит, нашли «гризли», а если нашли его, то и Ли...

От этой мысли я подскочил, как на пружине и тут же свалился с кровати. Ноги так ослабели, что не удержали меня, да и в глазах потемнело. Ударился пребольно, не смог сгруппироваться, упал мешком, вот как скосил меня наркотик «чудесной» Анны Григорьевны. Ко мне подскочили поднимать, засуетились, и пока я окончательно приходил в себя, снова уложили на кровать.

– Пётр Петрович... Перелом гортани, не понимаю, как вам удалось выжить, тем более говорить... Мы вас йоктотоками, конечно, восстановили, но... Как вы?..

Мне захотелось чивокнуть, но я тут же вспомнил, что сюда я прилетел с бумагами этого гляциолога, Петра Петровича, хорошо, что я хоть знаю, что обозначает это слово.

– Плохо, как... – проговорил я почти без голоса, шея, кстати, сильно болела. – Скажите, вы нашли вашего «гризли»?..

Я приподнялся на кровати, перед глазами почти не кружилось, и даже лицо Анны Григорьевны уже не казалось таким неприятным, то есть, она была по-прежнему феноменально некрасивая, но не отталкивающая, как мне казалось до этого. Ладно, прощу тебя, неказистая ты лекарша. Но в следующее мгновение прощать её мне расхотелось, потому что стало понятно, что никого они не нашли и «гризли» улетел на самолёте, том самом, который они упоминали. Зато Серафим пришёл в себя, вот он-то меня и оправдал, рассказал свою версию событий, как вы понимаете, совпавшую с моей. И, к счастью, имя Ли он тоже умолчал, слава Богу, всегда был умным.

– Так он похитил её?..

– Выходит, так. Скажите нам её имя, и мы найдём, куда мог отвезти её тот человек.

Я долго смотрел на Анну Григорьевну и вошедшего позднее Джеки, аккуратно скроенного китайца с острыми и умными, блестящими как чёрные маслины, глазами.

– Имя вам ничего не скажет.

– Вы не понимаете, по имени мы найдём её в любой части планеты...

Ох, Господи, если бы это было так просто...

– Это вы не понимаете...

– Чего не понимаем? Она замужем? – спросил Джеки, буравя меня глазами.

Господи, как бы мне хотелось воскликнуть с возмущением: «Нет, вы что?!»...

– Замужем... – пробормотал я.

– Ясно, – Джеки поднялся. – Разврат всё же имеет место.

– Нет! – огрызнулся я, впрочем, довольно тихо, в себя я ещё не пришёл. – Мне ваши моралистские разговоры надоели, мои обстоятельства не касаются вас. Не касаются никого!

– Как скажете, – выдохнул Джеки устало и поднялся. – Как только ваш раб окрепнет, вас отправят на большую землю, а пока отдохайте. Как я понимаю, вы, Пётр Петрович, имеете к науке такое же отношение, как я, к примеру, к искусству. Только...

Он посмотрел на меня исподлобья.

– Мы вовсе не моралисты здесь, я, да и Роман Романыч, нормальные люди и всё можем понять. Но изменять своим половинам это плохо, встречаться с замужними тоже. Это грязь, вам не кажется?

Я посмотрел на него. Они не моралисты. Ну, конечно, просто я развратник...

– Мне не кажется! – я закипел. – Мне это не кажется, потому что это грязь и гадость, если это происходит так, как вы себе представили! И, не разбираясь, определили меня вначале в убийцы, распутники, теперь только в распутники. А всё... всё совершенно иначе... Если бы люди чуть меньше лгали, в мире было бы легче дышать, нет?

Злость придала мне сил и почти совсем разогнала остатки отравления, я даже подумал, что пора встать. Джеки долго и даже, кажется, изумлённо смотрел на меня.

– Э-э... что вы хотите сказать? Вас... обманули? – спросил он, с трудом подавив удивление в голосе, привык не обнаруживать эмоций. Интересно, почему? Надо подумать об этом. Вообще они тут люди годные, судя по всему...

– Да! И не меня одного... Ложь стоит очень дорого. Иногда она стоит жизни.

Он немного побледнел, выпрямляясь, долго смотрел на меня, хмурился, потом поднялся, всё лицо его как-то собралось, сосредоточилось. Потом сказал:

– Я... постараюсь узнать, куда улетел этот мнимый фельдшер.

Глава 2. Странно всё...

Мне уже не нравилась эта поездка Всеслава в Антарктиду. Что там делать так долго? Прошло четыре дня, а новостей не было. Ну, хорошо, перелёт занял больше времени, пусть обратный тоже. Но самолёт ушёл с Белого материка без него, то есть, без них с Ли, будь она неладна, эта негодная девчонка...

По её поводу со мной связался Ольгерд. Как будто что-то сгустилось в воздухе в последние дни. Ольгерд всегда был дерзким и наглым, держал, конечно, себя в руках, но я чувствовала, как ему хочется вырваться из-под моей власти. И сейчас мерзавка Ли дала ему козыри в руки против меня.

– Послушай, Олег, – сказала я, нарочно называя его на русский манер. – Думаю, повод, по которому ты звонишь, не из тех, что можно было бы обсудить вот так... Это касается наших детей, будущего наших стран, всего мира, в конце концов. Приезжай в Вернигор.

– Нет, Агнесса, так не пойдёт, – возразил сероглазый хитрец. – Это не в моих интересах... давай на нейтральной территории.

Ну конечно, он пострадавшая сторона, будет теперь диктовать. Вот ещё и это. Ах, Ли... после того, как ты не спасла мою дочь, надо было разобрать тебя на молекулы, чёртова биокукла. И почему тогда я посчитала это злодейством? Из-за Всеслава? Якобы он будет страдать? Ну и лучше получилось? Лучше б он поплакал неделю в детстве и забыл, чем то, что он творит теперь. Я, конечно, никогда и не думала, что он будет у меня в подчинении. Я слишком хотела, чтобы он был похож на моего отца, сильного как скала, или, скорее, как айсберг, Всеволода Вернигора, потому что всё, о чем он думал и что чувствовал, было скрыто, а на поверхности оставалось только необходимое, чтобы управлять страной, да всем миром, именно в его времена, Север занял своё теперешнее место, я всего лишь продолжила дело отца, укрепила и усилила то, что сделал он. И я хотела наследника такого, как мой отец. Почему Всеслав душой совсем иной, если он клон своего прадеда?

Я надеялась на преемника, на него, моего бесценного Всеслава, и что? Он вырос слишком эмоциональным. Таким нельзя быть правителю. Надо убить Ли, это лишит его его слабости. Сейчас он уязвим, через неё с ним можно сделать, что угодно, а это недопустимо. Жаль мне было девчонку? Да жаль, отчего нет, я вырастила её. На моих глазах росла эта девочка, тихая и глазастая, как симпатичный зверёк, кошка, например, почему Всеслав так прикипел к ней? Что в ней такого? Красота? Это всё глупости, сегодня есть, завтра нет. Сила? Нет никакой, я выдала её за Исландца, она и не подумала сопротивляться. Ум? Тем более нет, если сбежала от мужа, сделавшись... А вот это мысль, это и надо предложить Ольгерду...

– Я думаю, за то, что я натерпелся от твоей негодной внучки, я достоин выдвижения в Большой Совет, – сказал Ольгерд при встрече, уже не церемонясь, потому что эта наша встреча и переговоры были тайными, личными, а он переводил их в политические.

Мы с ним сидели на террасе, внизу тихо нашёптывал вечернюю сказку океан, накатывая на берег, доигрывая камешками, дразня и заманивая своим шепотом. До воды было около пятидесяти метров вниз по скале, на которой и располагался этот отель, где сейчас, как и всегда, впрочем, никого кроме нас не было. Эти секретные места в разных концах света имелись у всех правителей сторон Света, не всё и не всегда можно и нужно делать открыто. Я такие места, принадлежащие Вернигорам, знаю с детства, все мы с детства всё узнавали о власти и её кухне. Так и мой внук. И он пытается слить в унитаз всю мою науку просто от упрямства и своеволия. Я не буду его ломать, напротив, я буду его самым большим союзником...

Сюда, на эту высоту о нас долетал только аромат морских волн и их шептание, но не брызги, впрочем, плескал океан очень спокойно, просто дышал ночью. Звёзды над нами мерцали, игриво подмигивая океану, да ночной бриз тихонько овеивал нас, колебал занавеси на

галерее за нашими спинами. Терраса была обширная, так, чтобы разговор невозможно было подслушать ушами, а на приборы у нас стояли глушители, создающий настоящий купол. Свет сейчас подавался от пола, был мягким и рассеянным, просвечивал подол моего платья, в несколько слоёв белого шёлкового шифона, расшитого по вырезу и рукавам серебром со вставками бриллиантов, отчего над ними в этом замечательном свете создавалось почти магическое мерцание, переливался в бокалах вина, стоявшего на столике перед нами, драгоценными рубинами. Кстати, это вино стоило почти так же дорого и было так же редко, как и рубины, дороже бриллиантов на моём платье, потому что рудники, хоть и принадлежат Югу, где мы и были сейчас, кстати, но по праву концессии, заключённой мной ещё сорок лет назад с их владельцем, наполовину мои...

– На каком основании, Олег? – спросила я, касаясь пальцами ножки бокала, мне нравилось смотреть, как посверкивают бриллианты на пальцах и рукавах, я вообще люблю драгоценные камни больше всего на свете. – Потому что твой сын так и не сумел приручить молодую кобылку, которую я сама под уздцы привела ему? Или за твои красивые серые глаза?

– Кобылку?! Да ничего нет жвачного в этой... этой суке... Она же волчица! Смотрит в глаза, молчит, соглашается, и делает по-своему. Обещала моего сына любить, и что? Сбежала с любовником...

– Олег-Олег... – я поняла руку, останавливая его. – Ты уж определись, а то уж весь зоопарк перебрал. Любовников у Ли быть не может, она не так воспитана...

– Не может? Да не один, а сразу два, я охрану ей, а она...

– Ну-у, понёс... – перебила я. – Остановись, Ольг, спустись с небес на землю, какие любовники, ну ты что? Поссорились они с твоим сыном, потому что он испортил её вещь, так ведь? Законный повод обидеться, ты сам понимаешь это прекрасно, так что не приписывай того, чего нет, не было и даже не могло быть априори. Не то и я могу обидеться на твой остров.

Я посмотрела на него. Не знаю, как выгляжу я, особенно сейчас, когда, он меня, конечно, ненавидит, но сам Ольгерд очень хорош собой, скуластый и черноволосый, морщинки у глаз только украшают его, придавая лукавому взгляду обаяния, хорошая сильная коренастая северная мужская порода, мне приятно было вести с ним дела и поэтому тоже.

– В самом деле, взяли у меня девочку, мою внучку! И я приняла все ваши дикие условия, заставила её терпеть эту вторую жену, вашу дебелую рабыню-козлопаску, а ты ещё выражаешь недовольство, что Ли не полюбила твоего сына. А он-то её любил? Он сделал хоть что-то для Ли? С другой женщиной проводил каждую ночь. Какая жена захочет после этого его любить? Вы там, со своим Генрихом не думали об этом? Она согласилась, она согласилась и приняла все ваши условия. Так и твой сын не трогал бы принадлежащего ей, и всё было бы хорошо веки вечные...

– Принадлежащего... всего лишь раб. Какой-то раб, всего лишь вещь, игрушка... И этот раб её любовник!

– Это не так. Впрочем, это не имеет значения, хоть сто раз её любовник, раб это раб. Всё.

– А дети раба?! Сядут на мой престол...

– А дети рабыни? Не перетягивай одеяло, Ольгерд. «Твой престол»... он останется твоим, если так решит Большой Совет, а он может и не рекомендовать оставлять тебя...

Ольгерд умолк, неужели ты думал, что я чего-то не знаю там у вас? Многого не знаю, увы, но то, что ты ведёшь тайные испытания оружия в союзе с Западом, я знаю отлично.

– Но я забуду всё это и поддержу тебя, – продолжила я, и подняла декантер, налить ещё вина, рабов мы не подпустили близко к столу. – Поддержу, потому что ты мне нужен, и ты прав. А это самое главное.

– Что? Что именно главное? Что я прав или что я тебе нужен?

Я посмотрела ему в глаза.

– И то и другое, – сказала я, не мигая глядя на него.

– Но что важнее? Ты признаешь, что я прав или ты это делаешь потому что, я тебе нужен. Я засмеялась, налила нам обоим вина.

– Как ты думаешь, Олег, мне было бы сложно заменить тебя на другого? – сказала я. Я почувствовала, что он поёжился и проговорил глухо:

– Думаю, не сложно.

Я снова посмотрела на него.

– Тогда давай не ссориться. Тем более цель у нас одна.

Он думал, в его глазах с прищуром ничего нельзя понять. Ты ошибаешься, Ольгерд...

– Я будто бы вижу сомнения... Не сомневайся, Олег, – я немного наклонилась через подлокотник моего кресла. – Мне нужен союзник. Но если ты не хочешь им быть, я просто заменю тебя другим. Будет это твой сын, или вообще человек, не имеющий отношения ни к тебе, ни к вашему чудесному острову, я решу. И будет ли миру вообще нужен ваш остров, в конце концов, шерсть отлично растят и производят на Востоке и на Западе самыми древними способами, так что смысл вашего существования сводится к полезности для Севера. И конкретно для меня. Я многое позволяла вам во все времена, подумай об этом. Я отдала в ваш дом мою внучку. И... что я получила? Мелкие уколы, глупые интриги, вся возня за моей спиной, о которой мне становится известно, едва ты задумываешь её. Ну...

– Хорошо... – поспешил ответить Ольгерд.

Я подняла руку, останавливая его.

– Не спеши, я ещё не дала тебе слова. Учти, что больше разговоров об этом не будет.

Что-то загорелось в его взгляде, и не будь я давно отцветшей женщиной, подумала, уж не влюбился ли.

– Ты угрожаешь мне, Агнесса?

Я засмеялась.

– Боже упаси! – я обернулась через плечо, и встретила взглядом с лакеем, он понял меня, я всегда держала при себе рабов, которым не надо было говорить лишних слов. – Пойдём, поужинаем. Здесь делают умопомрачительных омаров в фирменном соусе...

Я поднялась, протянула ему руку, и Ольгерд, как галантный кавалер предложил мне свою, мы и прошли к накрытому для нас столу.

– Когда ты так жестчишь, я в тебя влюбляюсь, – проговорил Ольгерд.

– Само собой, а для чего же я это делаю, – усмехнулась я.

Разумеется, во мне не было и тени иллюзии, что он испугается и послушается, но я не для этого говорила с ним, я его предупредила и, действительно, поступлю так, как мне будет нужно, едва узнаю, что он опять что-то делает за моей спиной. А пока пусть расслабится и думает, что я ему поверила, я же наблюдаю. А вот относительно моих намерений насчёт Ли, это требовало других слов.

– Я очень ошибусь, если скажу, что ты и твой сын предпочли бы, чтобы Ли умерла, а не сбежала? – сказала я, когда переменили блюда и принесли суфле из риса с моллюсками и перепелиными яйцами, местный рецепт.

Ольгерд посмотрел на меня, изображая изумление, уверена, он никогда не решился произнести вслух своё согласие с моими словами...

Но мне теперь надо было вернуть внука в Вернигор, меня очень злило сейчас, что я не могу его контролировать. И что я так и не знаю, где паршивка Ли, надо понять, почему я не знаю этого. Вернувшись на Север, я ждала в Вернигоре Всеслава, которого вызвала.

– Всеволод, где Ли? Не верю, что ты не следишь за ситуацией и не знаешь, где сейчас девчонка.

...Я не знал. Я сам с все возрастающим злым нетерпением ждал известий от Одиногана, но их не было. Понятия не имею, куда пропал этот проклятый индеец и выполнил ли он задачу, как было оговорено. И чем больше проходило времени, тем больше я беспокоился. Ясно, что

неожиданно испортилась погода и намного серьезнее, чем предполагалось, потому и о Всеславе не было известий, и всё же, каждый день проволочки ставил под удар весь мой замысел. Могло сорваться. И поймать Одинигана могут, и... он может всё рассказать о моей роли в этом деле. И когда тетка приказала явиться к ней, я думал, так и есть, и меня сейчас строго спросят, что это я натворил. Ясно, что публичного наказания или суда не будет, но Тетка Агнесса может придумать наказание изощренное и жестокое и притом тайное.

– Ну, что устави́л глаза свои рыбы? – зло оскалилась Агнесса.

Глаза у меня совсем не рыбы, это уж она загнула, уколоть хочет, чтобы подчинить. Всё как всегда.

– Отвечай! Рассказывай всё, что знаешь! – она почти повысила голос, совсем уж небывалое что-то.

– Связи нет, там циклон, ждут, что через пару дней сместится, и тогда заработают телефоны.

Да, когда-то наши предки, те, кто еще до деда Всеволода жили, прекрасно пользовались спутниковой связью, но... в ходе той войны, что покончила с прежней цивилизацией, спутники все были утрачены и что с ними случилось, никто не знал, в телескопы, наверное, разглядывали мусор на орбите, но выводить летательные аппараты в космос с тех пор не пытались, это было слишком затратно теперь для маленького населения нашей планеты, едва ли не половина суши которой была погребена под слоем радиоактивной пыли и не пригодна для жизни, уже поколения занимались тем, что превращали отходы прошлого в сырьё для настоящего, и этого хватало с лихвой, чтобы все были довольны, так что причин совершать эти прорывы в космос для завоевания новых рынков или опережения в прогрессе конкурентов в настоящее время не было. Нам бы планету от многовекового мусора избавить, а там уж и на звезды можно будет взглянуть. Так что, связи с Белым континентом, действительно, никакой не было сейчас, пока бушевала снежная стихия, вместе с мощной магнитной бурей.

Тётка Агнесса после моих слов скорчила недовольную мину. Я понимаю, я и сам был напряжен и недоволен эти дни. Было очевидно, что Одиниган задержался там, в Антарктиде, и если он попался тамошним властям, а на Ледяном континенте царили свои правила, и хотя формально он подчинялся Мировому Правительству, фактически жил своей жизнью, потому мог диктовать условия до известной степени, потому что хоть без их научных изысканий, а это были наблюдения за климатом и звёздами, предсказания, и довольно точные, тайфунов, цунами и ураганов, планета не могла обойтись, но и они не могли обойтись без снабжения с большой земли. Так что автономия, да, но с согласия и при попустительстве всей остальной планеты, потому что контролировать их было намного сложнее, чем закрывать глаза на их независимость. И я беспокоился о том, что может рассказать тамошним властям мой раб. Что ему обещали за правду...

...Нет, господин Всеволод ошибался, я успел на тот самый обратный самолёт. Я ударил госпожу Ли, и, не разбираясь, жива она или нет, просто унёс с собой, спеша скрыться и скрыть своё преступление. Не придумав ничего лучше, я засунул её, или её тело в большую сумку, что была со мной, вывалив все вещи, и направился на посадку, замирая от ужаса при мысли о проверке, оставалось только надеяться, что заглядывать в сумку повторно не будут. Оказалось, волновался я напрасно, только на прибытие работали проверяющие, тщательно изучая багаж и лица новичков, на вылет проверки не было вовсе. Воровать с ледяного континента было нечего, даже имён пассажиров никто не проверил, ни просканировал датчики, ведь все были наперечёт на этом ужасном куске льда в пупке планеты, и никто не беспокоился о том, что летит от них.

Пассажиров было немного, вылет состоялся раньше из-за преследующего нас циклона, поэтому многие не успели, так что свободных мест было множество, и мою сумку, в которую

я не решился даже заглянуть, я поставил на сиденье рядом, у окна, на случай, если она зашевелится, чтобы никто этого не увидел.

Но за пять часов полёта никакого движения в моём багаже не произошло, и я уже обрадовался, что так легко выполнил моё задание. Теперь я думал о том, как сообщу об успехе господину Всеволоду, остальное меня не касалось.

Первая же посадка в Кейптауне, и я сошел со своим бесценным и опасным грузом. Рейсы из Антарктиды никто не проверял, все знали, что туда и мышь, да что мышь, таракан не проникнет случайный, и все и всё проверено досконально, поэтому не утруждались, так что я легко и бесконтрольно отправился в отель, чтобы там разобраться, наконец, всё я выполнил или нет. Вообще-то было немного не то что бы страшно, но не по себе, когда я остался наедине с сумкой в отеле. Не знаю, какое мнение у людей складывалось при взгляде на меня, но хладнокровным головорезом я не был, поэтому увидеть покойницу мне не было приятно или хотя бы легко.

Я открыл сумку и, оставив её стоять так, не сразу заглянул внутрь. Но, ничего не произошло, и я, поняв, что девчонка, скорее всего, мертва, всё же подошёл и раскрыл её. Непонятно... Я просунул внутрь руку. Да нет, живая, теплая, и дышит. Вот чёрт...

Я вытащил госпожу Ли из сумки и положил на кровать. Удивительно маленькой она оказалась, между прочим, всегда виделась мне высокой, хотя я и видел её всего несколько раз и издали, но да, выглядела высокой, слишком тонкой, казалось, неловко повернётся и сломается, а вот нет, не сломалась и от моего удара, жива, но спит или без сознания, как в чувства привести? Лицо тонкое, прозрачное... коже такая, что ли?.. Какая она всё же... странная, не похожа на других.

А для чего мне приводить её в чувства? Я должен её убить, и если она без сознания, то мне это только удобнее и проще...

Я глотнул виски, что был здесь в мини-баре, дешевого и дрянного, поморщился, потому что стало ещё хуже, но что было делать? Я шагнул к кровати, намереваясь задушить госпожу Ли. Я уже наклонился и протянул руку к её шее, не утруждая себя взяться двумя руками, что там делать, сжать, так, чтобы хрустнула гортань и дело с концом, так я прикончил господина Всеслава, но там я ударил, зная, куда бить, никто бы не устоял и не выжил, а тут и бить не надо...

Я раскрыл ладонь, нависая над ней, намереваясь сдавить ей шею, как вдруг она встрепенулась и перехватила мою руку своими горячими пальцами.

– Нет-нет! Одиноган, пожалуйста! Не убивай меня! Не убивай меня!.. Остановись!.. Я... Я могу... я могу быть козырем для тебя, а мёртвую никому не продашь!.. – быстро-быстро зашептала госпожа Ли, тараща большие, даже какие-то огромные чёрно-синие глаза.

Я оторопел немного, выпростал руку из её цепких пальцев, выпрямляясь. Момент был потерян, но, главное, что заставило меня отпрянуть, что она назвала меня по имени. Откуда она его знает? Растерявшись, я так и спросил.

Она села тем временем, сжимаясь вся в комок.

– Как откуда? – удивилась госпожа Ли, продолжая таращиться. – Что ж я глухая и слепая? Видела тебя при Всеволоде. Это он послал убить меня? Зачем? Чтобы я не рассказала Всеславу, что он сделал со мной? Пусть будет спокоен, не расскажу, если Всеслав убьёт за это его, так же он убьёт и меня. Своим разочарованием...

Какая она странная, болтает много, я прежде и голоса её не слышал, тем более не видел её взгляда, а теперь она смотрела на меня, прежде она мне казалась очень спокойной и молчаливой, отстранённой и высокомерной, как все Вернигоры, а она... не такая вовсе. Странная. Вся она странная...

– Я не могу оставить вас в живых, госпожа Ли, – сказал я.

– Можешь, Одиноган! – сказала она, обхватив себя за колени, она так притискивала ладони, что её пальцы побелели. – Сам подумай. Если ты меня убьёшь, ты просто выполнишь

приказ Всеволода. А если я буду жива, ты за меня сможешь получить всё, что захочешь. От Всеслава, или... если вздумаешь просто отпустить. Я тоже могу заплатить тебе. Просто отпустить на свободу.

– Вы не можете освободить меня, вы не моя хозяйка, – сказал я, не подумав, из меня выскочило моё сокровенное желание, и она это сразу поняла.

– Ты ошибаешься, – сказала она, немного выпрямляясь. – Я выше твоего хозяина. Я могу освободить любого раба в мире, кроме личных рабов моей бабушки Агнессы Вернигор, или Всеслава, это их собственность, а они выше меня. Только они двое. С остальными рабами в мире я вольна поступать, как заблагорассудится. Ты не знал?

Я смотрел на неё, такая вот маленькая, слабая и хрупкая, прозрачная, вены сквозь кожу просвечивают на руках и на шее даже, и что, она может и правда осуществить главную мечту моей жизни?

– Если ты убьёшь меня, придётся отвечать, ты этого хочешь? Выбирай вместо смерти свободу.

– Это неважно, потому что я уже убил вашего брата Всеслава, – сказал я, зорко глядя ей в лицо.

Но нет, ни страха, ни растерянности, только сосредоточенность.

– Нет, не может этого быть, он живой, – сказала она уверенно.

– Я сломал ему гортань, я это слышал, – сказал я. Я не хотел, чтобы она питала иллюзии. Она качнула головой упрямо.

– То, что ты слышал и то, что на самом деле, не одно и то же, – снова сказала она удивительно спокойно. Она его так любит или просто упёртая девчонка? Но я был уверен, что я его убил, после такого удара невозможно выжить, так что мне в любом случае смерть, а не свобода.

– В известном смысле смерть та же свобода, – сказала госпожа Ли, глядя мне в глаза. – Вопрос, чего ты боишься больше?

– А вы, госпожа? Умереть или узнать, что господин Всеслав мёртв? – спросил я, задавать вопросы госпоже Ли было неслыханной наглостью.

– Не может он быть мёртв, я бы знала, – спокойно и убежденно сказала госпожа Ли.

А потом посмотрела на меня.

– Сомневаешься, хотя бы не спеши, подожди несколько дней, никто же не знает, где мы, – сказала госпожа Ли, словно речь шла не о её жизни.

В любом случае, она права, надо подождать несколько дней, понять, как мне действовать теперь, когда я не убил её.

Глава 3. Кто ты нынче, Серафим?..

Я злился, никогда не умел ждать, а сейчас это вообще убивало, когда я не знал, где Ли. Из-за какой-то глупости с погодой я не мог немедленно преследовать её похитителя, потому что ясно, что её похитили. Здесь, на станции её точно не было, Джеки организовал доскональный обыск всей станции. Мышей и тех всех нашли, но ни этого их липового фельдшера, ни Ли не было здесь.

– Значит, улетели... Но пока бушует шторм, мы не найдём их, мы не можем связаться с большой землёй, – сказал Джеки.

– Вы не нервничайте, ваш... э-э-э... ваш раб выздоравливает, скоро вы сможете отправиться домой. Но вначале всё же объясните, почему и для какой цели вы приехали к нам? – настаивал Роман Романыч.

Я посмотрел на него.

– Боюсь, я не смогу удовлетворить ваше любопытство, Роман Романыч, – сказал я, посмотрев ему в глаза. – Вам придётся довольствоваться моими объяснениями такого рода: у меня не было иной возможности встретиться с... неважно... Имя девушки не важно, важно, что её похитил человек, которого вы выписали себе как фельдшера.

Он хмыкнул, плохо скрывая пренебрежение, я не нравился ему, и это я мог понять, я не понимал, почему он пытается это скрыть.

– Вас мы тоже считаем гляциологом, Пётр Петрович, впустили под этим соусом, а вместо необходимого нам специалиста мы получили...

– Да ладно вам! – я отмахнулся, злясь.

Ну вышвырни меня! Не можешь, так и молчи! Поэтому я продолжил, нагло повышая голос:

– У вас этих специалистов по этому вашему снегу выше самых высоких вершин, одним больше одним меньше, не имеет значения, не лгите, вы меня приняли, потому что кто-то вам сказал, что надо принять. Так?

Он зло зыркнул на меня, его зелёные глаза сверкнули, но плевать на его злость, сейчас я думал о том, что с Серафимом и может ли он найти Ли и переместиться к ней. Поэтому я поднялся, направляясь к выходу.

– Куда вы? Я не отпускал вас! – разозлился Роман Романыч.

– И что? – нагло спросил я. Вообще анонимность придаёт какой-то наглой оторванности от реальности. – Я иду проведать моего раба, и вы мне ничего не сделаете. Что станете делать? Орать? Мне плевать на это, а ваш авторитет упадёт.

Он выпрямился в кресле.

– Вы забываетесь, юноша...

– Нет. Во-первых, я не юноша, Роман Романыч, мне двадцать четыре года, я не мальчик. А во-вторых, я не забылся, просто мне плевать на ваши приказы. И молитесь, что никто из ваших подчинённых не слышит меня, – сказал я, оглянувшись на пороге, и вышел за дверь.

Я пришёл в лазарет к Серафиму, сейчас для меня было безразлично всё, кроме одного, чтобы он очнулся и нашёл Ли. Чтобы он нашёл Ли для меня...

Серафим пришёл в себя. Он был очень слаб, смотрел на меня сейчас с подушки едва ли не более белой, чем его лицо.

– Она жива, Серафим? – спросил я, придвинувшись к нему и стараясь унять дрожь, которая владела мной сейчас.

Он смотрел на меня своими удивительно светлыми глазами.

– Спросите у себя, господин Всеслав... я не могу сказать...

– То есть как? Как это ты не можешь сказать?!

– Не знаю пока. Но я не могу пока почувствовать её, я больше чувствую вас, сидящего около меня, чем её... может быть потому, что она далеко, а вы рядом, а вы... Не знаю... что-то странное произошло...

– Мне сказали, я не мог выжить, получается, ты меня спас от смерти.

– Спас... оказывается, это не так просто... – проговорил он и отвернулся. – Вы можете уйти сейчас, господин Всеслав? Я... я не могу вас видеть...

Я поднялся.

– Тебе больно от того, что я рядом? – спросил я, недоумеваю.

– Не знаю, от чего. Но... я не могу выносить ваше присутствие сейчас, мне больно. Физически... Уйдите...

Ну что мне было делать? Я ушёл...

В вечнотёмной снежной кутерьме мне казалось, что время вообще не двигается, потому что я не мог ни спать, ни есть, а солнца, как вы понимаете, здесь просто сейчас не было. Но всё когда-то заканчивается, наконец, прекратилась и буря, продлившись небывалое, по словам аборигенов, количество дней, зато за это время окреп и Серафим настолько, что мы теперь уже вдвоём ожидали самолета. Больше всего я, но и он мучился, как я чувствовал. Но я ничем не мог ему помочь.

Наконец, мы оба стояли, наблюдая за самолётом, заходящим на посадку, за толстыми окнами аэропорта. Глядя на эти их окна, я уже не в первый раз думал, а что, если метеорит в них влетит, выдержат?.. Глупость невероятная лезла в голову все эти дни, только не думать о том, что происходит в остальном мире. Мы тут были как в загробном, каком-нибудь Ниффльхейме, ледяном и одиноком. Только здесь было слишком шумно для холодной части ада, слишком много суеты, болтовни и алкоголя. Считалось, что все здесь заняты делом, вероятно, так оно и было, но благодаря постоянной ночи у каждого отдела, каждого работника, если он был автономным, был свой режим, а это означало, что станция не спала никогда. Настоящий муравейник.

– Серафим, Ли жива? – спросил я, наверное, в тысячный раз.

И он в тысячный раз ответил:

– Я не знаю, господин Всеслав, я говорил, я сейчас вас чувствую сильнее, чем госпожу Ли.

– Я не понимаю... почему?!

– Наверное, если бы мы с вами знали, почему, мы бы уже нашли её. Что-то сломалось...

– Что?! Что сломалось?

– Я не знаю. Но среди своих я больше не желанен. Не вхож. Я теперь, как... демон. Нет...

– Ты всегда им был, разве нет? – я посмотрел на него.

Его исключительно правильное лицо, эти ровные брови, эти светящиеся голубые глаза, прозрачные, как вода в чистых родниках у нас в Вернигоре на исходе лета, эти его прекрасные русые волосы, струящиеся к плечам, он перехватил их шнурком как обычно. Всегда удивлялся правильной его красоте, впрочем, чему удивляться, ангел есть ангел... хотя он говорит, демон, но тем более.

Серафим посмотрел на меня, не стал спорить. Именно не стал, не не посмел, просто не посчитал нужным, как взрослые не спорят с детьми.

– Возможно... что-то изменилось, господин Всеслав. Что-то с вами и со мной. Что-то с Ли тоже, но я не знаю, что. Я чувствую её, но не так как прежде... Кстати, я неверно выразился, я не как демон, демоны ничем не хуже ангелов в моём мире, я же стал как что-то чуждое сейчас.

– Человеком стал? – усмехнулся я.

Он покачал головой, улыбнулся.

– Если бы...

В это время к нам подошёл Бугров и разговор наш прервался.

– Петр Петрович, Серафим... э-э... хоть вы и проникли к нам незаконно, но выяснение обстоятельств заставляют меня отнестись к вам лояльно и отправить с нашего континента без заявлений недовольства Вернигору.

Я едва сдержал усмешку, потому что само собой невыгодно заявлять какие-либо недовольства, потому что огласка ему нужна намного меньше, чем извинения моей бабки за проникновение мнимого гляциолога. И тем более Серафима, чей статус, как и способ приезда сюда они так и не выяснили, впрочем, его расспросили, конечно, на что он отвечал «я прилетел», что было правдой только отчасти, а то, что им хотелось узнать, то есть, как и когда, каким самолётом он и «девушка, которую никто не видел» оказались здесь, они списали на амнезию после ранения.

Наконец, мы сели в самолёт, намереваясь сойти в Кейптауне, откуда Серафим и Ли переместились в Антарктиду и где оставались Кики и ещё какой-то новый раб Ли, подаренный ей, по словам Серафима, её свекром Ольгердом Исландским. Надо было забрать их, прежде чем двигаться дальше. И вообще понять, как действовать теперь.

– Ты как считаешь, для чего похитили Ли?

– Смотри, чей это человек. Я не видел его, но я ничего и прежде не видел, надо его показать Атли, он скажет, видел ли его и тогда станет ясно, как нам поступить дальше...

Разговоры об этом мы вели множество раз, и всё же мне казалось, Серафим не договаривает...

... Не договаривал, да. Слишком о многом мне пришлось теперь не договаривать господину Всеславу. Начиная хотя бы с того, что меня остановили на пороге, на грани миров, когда я намеревался войти туда вместе Фосом, как обычно. Но он вошёл, а я остался снаружи. Так нас разделили. Для начала.

Чуть позже всё же ко мне вышел Йовонос, кивнул, призывая идти за собой. И не говоря ни слова при этом. И все звуки стихли, когда я двинулся за ним, словно все были напуганы моим появлением.

Сегодня здесь собралось сущностей всех видов намного больше, чем это было, когда мы с Фосом привели сюда Ли. И тогда все только любопытничали, а сейчас смотрели с осуждением и ужасом. Тоже намного большим, чем даже, когда меня судили тут за то, что я посмел спать с Ли...

Выходя из-за холма, я увидел Фоса, поставленного на колени, его руки связали за спиной, а огромного роста Плироми и Катавикиг держали один обнажённый меч, другой – топор. Я никогда не видел, чтобы кого-то казнили здесь. Притом, не надо думать, что обитатели этого мира бессмертны, очень даже смертны, некоторые живут мало, их существование в мире людей и здесь параллельно предопределяется только увлечением или даже модой иногда, так было с многочисленной нечистью из комиксов, или романов, они умирают и их хоронят со слезами и вздохами вполне искренними, порождения человеческой фантазии недолговечны. Но есть и, всегда, похоже, были те, кто так никуда не девался, испокон веков, ведьмы, духи, феи всех видов, и прочие, которые не умирали.

Это отличались от ангелов, какими были мы с братом, нас создал Сам Создатель, как и людей, и обращался с нами, впрочем, как положено хозяину с вещами, если ангел плохо исполнял обязанности, тем более если допускал гибель или страшные проступки своих подопечных, то наказание было тяжким, его аннигилировали. Впрочем, смерть подопечного в любом случае означает окончание и нашего существования, но немного иное. Аннигиляция, это насильственное распыление, когда не остается даже атомов. Мало, кто это видел, но все знали, что такое возможно.

Смерть же ангела, как и смерть человека, принято уважать и провожать с миром в ад или рай, кто как заслужил, что там и как, я не знаю, как не знает никто из людей, туда уходят и остаются навечно там или тают там, никто из нас не знал.

А то, что я увидел сейчас, не было применено ни разу. Но... я вдруг только сейчас это понял, что ни у кого из людей не было Ангела состоящего из двух половин, как мы с Фосом. И как я не понял этого прежде?!..

– Потому что ты высокомерен и глуп, и ты возомнил себя человеком, – услышал я ЕГО голос. – Мало того, что ты однажды преступил все мыслимые законы бытия со своей подопечной, так теперь ты возомнил себя Творцом.

Внутри у меня всё сжалось. От страха, я никогда ещё не слышал гнева в ЕГО голосе.

– Вас с братом двое у Ли, потому что Ли первый такой человек. Первый и единственный, полностью искусственный. Опасно оставлять её на попечение одного моего посланца, я решил, что двое, соединённые в одного, будут надёжнее. Но я ошибся. Как я ошибся в тебе... Как посмел ты создавать новых существ?!..

Меня будто схватили за волосы у затылка, приподнимая от земли.

– Как?.. Каких существ?!..

– Он не понимает, вот кретин... – зло прошипела какая-то кикимора, дёргая длинным вечно сопливым носом.

– Ты напоил человека своей кровью. Своей кровью, кровью Ангела! Ты ещё не понял, что сделал с ним?! С ним, с собой, со всем сущим?

– Он бы умер, – просипел я, пытаюсь оправдаться.

– Не тебе решать!

– Без него умрет и Ли!

– Этого мы не знаем! У Ли нет определённой судьбы, как и у Всеслава. Два искусственных человека, их судьба неопределённа с самого начала, и будет до конца. А ты решил, что можешь менять их судьбу. Даже я не могу. Я позволил им появиться на свет, чтобы...

– Понаблюдать, как это будет?! – воскликнул я, вообще-то было безумно больно, мне казалось, что если Фосу отрубят голову, то мне что, решили сорвать скалы?

Но невидимая рука бросила меня на землю, я плохо сгруппировался от неожиданности и разбил колени и локти, и плечо ударил сильно...

– Ты дерзить мне вздумал, порождение Тьмы?!..

– Если погибать, так хотя бы задам все вопросы, – пробормотал я, поднимаясь и отряхиваясь, и думая, что теперь-то точно аннигилируют. Ну и ладно, двум смертям не бывать...

Но неожиданно ОН захохотал. И смеялся так весело, что начали смеяться и все остальные. Впрочем, они все выслуживаются, везде и всюду одно и то же рабство и подобострастие... Я не смеялся, просто терпеливо ждал, пока ОН отсмеется и решит, как меня прикончить...

– Ох... ладно, Нокс, – наконец, проговорил Он, кое-как переводя дух, будто человек смеется, надо же, не зря «по Образу и Подобию»... – Повеселил ты меня, ох и повеселил, давно, очень давно не видел я таких наглецов и таких смельчаков. Со времён моего светящего любимца... Его не простил тогда, жалею теперь, одним Врагом было бы меньше у человека... Что ты натворил, поймёшь скоро. И сам расхлебывать станешь. Тогда и вспомнишь, что я предупреждал... Всё, вон ступай!

– А Фос? – похолодел я.

– Подумаю, – Голос остыл. – Казнил бы сейчас же, если бы не боялся одного тебя отпустить, ты при брате и то натворил уже дел... Учти, объяснений не будет, сам до всего доходи. И решай сам.

– Ты позволяешь мне быть человеком, Господь?

– Ты не человек, но и не Ангел теперь, ты демоном сделал самого себя, свершив одно преступление, и теперь... что это повлечёт за собой... увидим.

... Я открыл глаза, господин Всеслав уснул в соседнем кресле, немного свесив голову к плечу, прежде я не видел его спящим, оказывается, у него густые тёмные ресницы, губы во сне заалели, на веках просвечивают тонкие голубоватые сосудики, я впервые смотрел на него так близко и мог разглядеть, разглядеть моего соперника. Я не задавался глупым вопросом, «почему он, а не я, в нём нет ничего особенного», я знал, почему, любовь не терпит объяснений, она просто живёт в ком-то, в ней и в нём вот. И во мне. Но я вне. Не в её сердце. Я третий лишний, посторонний, как бы мне ни хотелось иного.

А теперь я вообще был словно отстранён, я не мог найти её, почувствовать, где она, как это было всегда с её появления на свет. Вначале я думал, что всё дело в ранении, всё же я не чистый дух. Конечно, не будь я дух, я просто не выжил бы, не зря докторица так изумлялась, глядя на меня, выздоравливающего. Впрочем, она изумлялась ещё больше, говоря о Всеславе, по её мнению, где-то закралась ошибка, или в результатах сканирования, которое показало перелом гортани, или «ничего не понимаю, как он выжил и восстановился так быстро»... Может, в этом и была причина перемен? Я спас Всеслава от смерти и стал теперь его Хранителем? Не знаю, бывает ли такое. И не подскажет теперь никто, меня изгнали...

...Мы ждали возвращения Серафима с госпожой Ли со все возрастающим волнением. Меня с самого начала злило то, что Серафим не позволил мне лететь с ними, его убеждённости, что он Хранитель, а я так, заводной дурачок на шнурочках. И когда, спустя несколько недель, Серафим вернулся, но не с Ли, а с каким-то необычной внешности человеком, с виду юношей, но с какими-то взрослыми глазами. При необычных чертах и какой-то общей цепляющей острой красоте, именно это слово «красота» на ум не приходило, он вошёл, и я словно почувствовал давление, будто вода вошла в помещение и придавила меня. Да всё придавило. Кики, например, подскочила и, выкатив почти бесцветные глаза, забормотала:

– Батюшки... господин Всеслав...

Господин Всеслав?! Всеслав Вернигор?! Вот этот, с горящим взглядом тёмных глаз, выстроенными словно по линии бровями, губами, подбородком, громадным лбом, острым носом, скулами, ключицами и плечами, всё в нём было остро и мощно одновременно, он вошёл и остановился, расставив ноги, спокойно оглядывая комнату и присутствующих, его лицо, губы, руки, были спокойны, ему не было интересно, он огляделся только потому что хотел понимать, где он и кого видит.

– Да-да, это я, Кики, ты как, здорова? – спросил он, не глядя. – Рад тебя видеть.

Но это что, это чепуха, его воздействие, что произошло, когда я подал голос:

– Где госпожа Ли?!

Он медленно повернул голову и посмотрел на меня так, что не будь я уверен, что не просто могу спросить, но должен, меня, наверное, вдавило бы в стену за моей спиной. Удивительно тяжёлый взгляд, я не встречал такого никогда прежде.

– Ты кто? – спросил он, продолжая смотреть мне в лицо.

– Это... – заговорил было Серафим, но этот удивительный человек поднял руку, приказывая ему замолчать, очень белую большую кисть, с длинными, и, на удивление, нервными пальцами, такой не должно было быть у повелителя, а в том, что передо мной повелитель не было сомнений.

– Ты кто? – снова спросил он, глядя мне в лицо. Глаза темно-серые, или зелёные, а может быть, чёрные, я не мог понять, меня давило и жгло этими глазами. Я сроду никого не боялся, я не боялся и его, но такой силы воздействия не испытывал до сих пор.

– Я охранник госпожи Ли.

– Охранник? – он немного удивленно поднял подбородок. – Вон что... Давно ли у Ли охранник?

– Меня подарил госпоже Ли Ольгерд Исландский, её свёкр...

Эти слова будто причинили боль, будто укололи господина Всеслава, по лицу прошла нервом дрожь отвращения, я понял, больше ему ничего не хочется знать обо мне. Ни знать, ни слышать о том, откуда я взялся. Ну что ж, в конце концов, я не его раб, я раб госпожи Ли и мне плевать, нравлюсь я ему ли нет.

– Где моя комната? – спросил этот удивительный человек.

Кики засуетилась, заквохтала.

– Думаю, комната госпожи вам подойдёт, господин Всеслав, – заглядывая ему в лицо, счастливая его появлением, удивительно, всё же рабы есть рабы, что ей госпожа Ли, что этот вот светящий лицом Вернигор, готова служить и быть счастливой, не думая ни о чём.

Когда они вышли, я спросил Серафима:

– Где госпожа Ли? Почему он здесь? Каким образом?! Что вообще происходит?..

– Ох, Атли, всё рассказать и дня не хватит... – Серафим устало провёл по волосам, садясь на диван.

Обстановка тут была вполне роскошная. На пальму на террасе, на которую были открыты все окна гостиной, сел попугай, прокричал что-то, склонив голову, поглядел на нас, их тут было полно.

– Мне не надо всё, скажи, где она? Где госпожа Ли?! – воскликнул я, намереваясь схватить его за грудки.

Как вдруг меня остановил всё тот же властный голос:

– Не ори, – небрежно произнёс он, вроде и негромко, но густо, хоть голос у господина Всеслава и не басовитый. – Серафим не знает. Ли похитили. И мы не знаем кто и для чего...

Когда он и вернулся-то, двигается неслышно, даже странно, такие как он топают, не скрываясь. Или я не услышал его шагов, возбуждённый и разгневанный. Господин Всеслав даже не посмотрел на нас с Серафимом, вот в таких мелочах и проявляется их аристократичное высокомерие, тех, кто не ровня им, они вообще не видят, а кто ровня Вернигору? Только Вернигоры,...

– Кики, приготовь мне ванну. И обедать прикажи. Кто тут готовит у вас?

– Сейчас-сейчас, господин Всеслав, я мигом! – суетилась Кики, радостно придыхая, кажется, всё ещё не веря, что такое счастье с нею случилось в виде появления господина Всеслава. Притом и ловкость сразу появилась откуда-то в её рыхлом теле.

– А мы с вами... тебя как звать? – он взглянул на меня вскользь, ожидая, что я немедленно отвечу, стало быть, надо отвечать...

Узнав от них, что там произошло с ними в Антарктиде, я не смог удержаться и не бросить Серафиму упрёк:

– Говорил тебе, я должен был быть рядом! Уперся, как...

Господин Всеслав посмотрел на меня изумлённо. И смотрел долго, глаза его становились всё темнее. Интересно, когда он зол, они вообще чёрные?

– Ты, Атли, запомни, вопить при мне не смей, – очень тихо произнёс он. – По делу говорить позволяю, как гуси шипеть друг на друга забудьте...

... Не могу передать, как взбесило меня в принципе наличие этого малого, этого нового раба Ли, подаренного, видите ли, её свёкром, этим Ольгердом Исландским... Мне пришлось заставить себя вдохнуть, переждать и выдохнуть, чтобы продолжить говорить с ними всеми. Невыносимо даже пытаться осознавать, что Ли, моя Ли, моя кровь, что пульсирует в моих венах, в моём сердце, наполняя меня, что она могла быть чьей-то женой. Женой... Господи...

Однако Атли оказался полезен, когда я показал изображение напавшего на нас с Серафимом человека, которое снял с камер наблюдения в аэропорту Джеки и распечатал для меня, заметив при этом, что он сошёл с самолёта в Кейптауне и более нигде на камерах не был запечатлён. «То есть он в этом городе, ты понимаешь?» – многозначительно сказал мне тогда Джеки, сверкнув глазами. И вот сейчас Атли, которого я начал было ненавидеть, узнал этого

большущего лохматого тёмно-смуглого и черноволосого человека с резкими чертами лица, орлиным носом и пугающе холодным взглядом глубоко сидящих волчьих глаз.

– Я знаю его! – воскликнул Атли. – Это Одиниган, раб господина Всеволода. Я видел его при нём.

– Всеволод приезжал в Исландию? – изумился я.

– И гостил подолгу. Я не могу знать, какие дела там были у господина Всеволода с Исландцами, но он несколько раз приезжал... Вы не знали? – Атли посмотрел на меня рыжими глазами и тут же потупил взгляд.

– Не смей глаза опускать, прямо смотри, – нахмурился я, всегда раздражала эта привычка у несеверных рабов. – Что ты знаешь?

– Я? – Атли в страхе отступил. Мой резкий тон или взгляд напугали его...

...Взгляд... Ещё бы! Видели бы вы эти глаза...

Начать с того, что личность этого человека была для меня уже легендарной. Сколько я слышал о нём, сколько читал, сколько говорили, шептались, шипели, придыхали, упоминая о нём, что увидев его в квартире, где мы с Кики поджидали возвращения госпожи и Серафима, я буквально остолбенел и потерял дар речи на несколько минут.

Теперь, рассматривая его, я удивлялся. Вблизи он оказался меньше ростом, светлее, чем я представлял, видя его изображение и слушая рассказы о нём. При этом он был изумляющее красив, неправдоподобно, будто светился изнутри, как госпожа Ли почти. Его светлая кожа, волосы или особенная внутренняя энергия просвечивала, не могу сказать, но я смотрел на него замороженно, потому что он поразил меня своей красотой. Резкой, странной, живой, даже будто злой какой-то, беспокойной, черты резкие, все будто прорисованные по линейке, вертикально и горизонтально ориентированными линиями бровей, большого лба прямой скобкой отделённой от светлых волос, прямых без изгиба бровей, очень острых, прямо колючих глаз, цвет которых я не мог разобрать, только синевы в них не было, как, к примеру, у господина Всеволода, который до сих пор казался мне самым красивым мужчиной из всех, кого я видел, но пугающая темнота. Такие же прямые нос, фамильный, Вернигоровский, как у его бабки, и квадратный резкий подбородок, всё это дополняли прямые широкие плечи, длинные и, очевидно, очень сильные руки, длинные ноги, резкие быстрые движения. Весь он был, словно оседланный порыв.

При этом голос у него был неожиданно приятный, даже будто мелодичный.

– Одиниган? – повторил господин Всеслав, подняв на меня свои удивительные глаза, злые, почти чёрные, но такие яркие, завораживающие. – Когда ты видел его при Всеволоде?

– Да множество раз! – поспешил ответить я, и поймал себя на странном: мне хотелось понравиться ему не меньше, чем моей бесценной госпоже.

Он просверлил меня глазами и проговорил очень тихо, только мне одному.

– Говори. Всё, что знаешь, говори.

Что я знал? Да почти ничего, кроме того, что индеец Одиниган раб господина Всеволода для особых поручений.

– Особых? И что это значит? – прищурился господин Всеслав, для таких светлых волос, какими он обладал, его ресницы были на удивление тёмными, впрочем, как глаза и брови. И как его губы, тёмно-красные, длинные, казалось, он пьёт кровь вместо вина из золотых кубков, какие подавали к столу Вернигоров.

– Слежка, анализ... Одиниган очень умен. И даже образован, не в пример другим рабам.

– Тебе, что ли? – ухмыльнулся господин Всеслав, обнажив хищные зубы. Удивительно, но его внешность, со всеми этими резкими линиями, оказывалась на удивление обаятельной, когда он улыбался или смотрел в глаза. Вот как сейчас. Вообще я, привыкший наблюдать и даже читать по лицам, впервые видел такого необычного человека, по его лицу я ничего не мог понять. Удивительно, я столько слышал о нём, как и все, впрочем, вживую он оказался

совсем другим, кажется, жизни в нём было с избытком, и эта жизненная сила не помещалась в нём, крепком, даже плотном немного, и излучалась вовне жаром и светом, исходящими от него. Страшно подумать, какая в нём сила...

– Я страж, он – разведчик, мы как два полюса безопасности ваших светлостей, – сказал я невозмутимо, постаравшись взять себя в руки.

– Наших? – в уголках тёмных глаз господина Всеслава сверкнули искорки.

– Вас, аристократов. Правителей. Прочие свободные и даже господа, те же овцы в стаде, только на более сытых местах, чем рабы.

Господин Всеслав долго смотрел на меня, прищурился тяжёлыми веками своих странных глаз, потом поднялся, не отрывая взгляда, будто впился в меня своими зрачками, подошёл ближе.

– Ты слишком смелый или слишком глупый? – тихо проговорил он, продолжая смотреть прямо в мои зрачки.

Мне стало страшно под взглядом его страшнящих чёрных глаз, никто и никогда не смотрел на меня так.

– На глупого не похож... – наконец произнёс он, понизив голос.

И продолжил сверлить меня своими необыкновенными глазами.

– Ты, Атли, со мной говори, как думаешь, я одобряю, больше того, я даже жду и требую это от тебя, но с прочими поостерегись, поверь, не только у стен, но даже порой у стволов деревьев есть уши. Помни об этом, – он сверлил меня глазами ещё несколько мгновений, которые показались мне бесконечно длинными.

– Так я под твоей рукой, господин Всеслав, ничего не боюсь, – проговорил я, смело глядя в его странные глаза, и рассчитывая, что тактика, успешно использованная с госпожой Ли, «ум + дерзость», так же расположит ко мне господина Всеслава, как и госпожу Ли и тут же понял, что просчитался.

– Дерзить вздумал? – совсем тихо выдохнул он и прищурил нижние веки, пронзая меня до копчика, до пяток этим взглядом. – Не верю, что Ли дурака держала при себе, пусть навязали тебя, но потом-то... значит, дерзишь... Так вот, Атли, я не Ли, добрая и мягкая, болтовни твоей не потерплю, говори по делу. Врать или льстить вздумаешь, приблю. Понял?

Я только, вздрогнув, кивнул, краем глаза заметив усмешку в глазах Серафима, и, когда господин Всеслав направился в ванную, я обернулся к Серафиму.

– Что тебе кажется смешным?

Он лишь пожал плечами, не собираясь, видимо, отвечать мне, и это разозлило меня ещё больше, я хотел снова тряхнуть его, но тут вошедшая Кики напустилась на нас, ругаясь шепотом, если вы сможете это вообразить:

– Атли! С ума спятили, не слышали, что господин Всеслав сказал?! Прекратите сейчас же!

«Интересно, что он мне сделает?» – подумал я.

Серафим изумленно посмотрел на меня и спросил:

– Ты проверить хочешь?

– Ты... ты что?.. Ты мысли мои прочитал?..

Но, похоже, Серафим и сам удивился произошедшему.

– Не знаю... Разве ты не вслух произнес? – проговорил он, бледнея.

– Ну... вообще-то я не сумасшедший, гнев Вернигора не хотелось на себе проверять...

Серафим посмотрел на меня, глаза его потемнели странно, похоже он был удивлен и обескуражен происходящим сильнее меня. Но наш разговор услышала и Кики, открыв рот, она смотрела на нас.

– Серафим... кто ты нынче, Серафим?.. – едва слышно проговорила Кики, отступая и глядя на Серафима едва ли не с ужасом.

Он, хмурясь, отвернулся и направился к выходу, подняв широкие плечи. А я посмотрел на Кики недоуменно.

– Чего ты испугалась? – проговорил я, ничего не понимая.

Она перевела на меня взгляд, который перед этим вперила в спину уходившего Серафима, а теперь в дверь, закрывшуюся за ним, такой бледной и напуганной я ее ещё не видел.

– Что?.. – пробормотала она, продолжая тарашиться, будто и меня не узнаёт.

– Ты испугалась чего-то? – переспросил я.

– Я?.. – она моргнула лысыми веками.

– Ну не я...

Наконец, она тряхнула головой, будто приходя в себя, засуетилась привычно, что-то бес-толково перебирая.

– Ничего-то не видите... как слепые все, ей-Богу...

Глава 4. Что я...

Да, я не убил госпожу Ли, а значит, надо было обдумать и решать, куда мне её спрятать. Для начала надо было изменить её внешность.

– Я могу изображать, по-прежнему, мальчика, – сказала она.

– Не пойдёт, это уже известно... Надо вернуться в женский пол, но... надо... Вот что! Мы перекрасим вам волосы, госпожа Ли!

Она невольно коснулась своих волос, совсем коротких, каких она прежде не носила, что ж, придётся остричь их ещё короче. Не теряя времени, я нашёл парикмахерскую из тех, куда ходят богачи, заплатил там серебром, чтобы мастер пришёл к нам домой.

– Моя сестра сбежала от мужа самодура, – сказал я ему по дороге. – Не хочет, чтобы поймали.

Он посмотрел на меня, когда мы вошли в убогую квартиру, которую я снял на несколько дней.

– Сестра?.. – проговорил он, увидев госпожу Ли.

– Отцы разные... – пробормотал я, несходство моё с госпожой Ли было настолько очевидно, что только увеличенный гонорар за услуги мог заткнуть рот цирюльнику. Я достал ещё монету, но не отдал, только помаячил, держа в пальцах, я отлично знаю все расценки и все цены секретов.

Цирюльник обрадовался, суется, стал доставать свои хитрые инструменты, воодушевлённо приговаривая:

– Да мне всё равно, хоть отцы, хоть пусть и матери...

Его воодушевление понятно, наличные это свобода бесконтрольных трат. Ну или накопленный, кто как я копил. Сейчас я тратил и тратил стремительно.

Он внимательно рассматривал госпожу Ли, узнать в ней Ли Вернигор, чью свадьбу с Исландцем показывали всему миру несколько месяцев, было невозможно, те величественные русские наряды и украшения делали её высокой и статной, да и была она тогда полнее, не то что теперь, похожа на какого-то кузнечика, ещё эта причёска под парня...

– Так... вот что, сходите пока в лавку Мокреля, здесь близко, один квартал на углу. Скажи, Николая зовёт для дела.

– Это ещё зачем?

– Будет другая причёска, переодеть придётся. Он посмотрит гардероб, составит новый.

Госпожа Ли посмотрела на меня, сейчас на ней был свитер поверх того самого нижнего, в котором я и застал её, хорошо, что свитер был мой, огромный для неё, так что выглядела она в каком-то смысле даже стильно, но смотреть-то в гардеробе было нечего...

– Нечего там смотреть, пусть сразу приходит подбирать стиль, – сказала госпожа Ли обычным тоном госпожи, после чего у Николая, полагаю, не осталось сомнений, что перед ним не беглая рабыня.

Так что госпожа Ли села на стул, который я поставил посреди комнаты, он приступил к делу, а я отправился к выходу, направляясь в лавку Мокреля, услышал за спиной:

– Госпожа, что вы хотели бы?

– Ничего. Но мне надо полностью преобразиться. Понимаете? Полностью. До неузнаваемости. А значит, меняйте полностью... – довольно равнодушно проговорила госпожа Ли.

Когда я вернулся с этим господином Мокрелем, который, надо сказать, долго копался, собираясь, пока запирал лавку, складывал в сумку какие-то альбомы, расспрашивал, к кому идёт и что за девушка там, госпожу Ли уже покрасил и остриг цирюльник, и сейчас шумел над её головой феном. Над её белокурой теперь головой...

Мокрель остановился, будто остолбенел, глядя на неё.

– Ты... чего ж не сказал, что тут... что такая красота...

– Что?.. – нахмурился я, посмотрев на него.

Он будто поперхнулся, глянул на меня, проставил свою сумку.

– Что... подороже такой девице понадобятся вещи, вот что. Чтокает... кто она?

Я тихо прорычал:

– Тебе какое дело? Ты свою работу выполняй и всё.

– Ладно-ладно, что ты как тигр... Аристократка, мои тряпки разве подойдут такой...

– Ты не умничай, – чувствуя бессилие, сказал я.

Тут Николая обернулся и улыбнулся Мокрелю.

– Вот, господин Мокрель...

– Да понял я... – проговорил Мокрель и снова посмотрел на меня. – Идём, любезный.

Купим твоей госпоже достойную одежду.

И мы отправились с ним в центр города. Тут самые дорогие магазины, где покупали одежду только правители и их ближний круг, самый ближний. Это и не магазины, ателье, где шили на заказ, из готового было только то, что показывали модели или то, что заказали и не выкупили. Вот такое мы и взяли с собой, целый ворох коробок. Нам не просто поверили, что заплатим позднее, но с радостью надавали того, чего мы не просили, точнее, я не просил, это Мокрель шептался с ними.

– Это что ещё? Куда столько лишнего хлама? – со вздохом проговорил я, таща коробки и пакеты стопкой выше моего роста.

– Хлама... – Мокрель глянул на меня из-за коробок, что нёс сам. – Что бы ты понимал, грубиян! Орясина! Это сумочки, бельё, чулки, куда даме без этого. Ты совсем не считаешь... Если госпожа не сказала, не значит, что ей не надо, это значит само собой разумеющееся. Остолоп...

– Полегче! – пригрозил я, впрочем, не зло. Но зато он заткнулся после моего окрика.

Когда мы вернулись, госпожа Ли была уже совсем не похожа на себя прежнюю. Ни на ту, что я видел прежде, ни на ту, кого я почти убил... Я бы не узнал, если бы не знал точно, что это она. Белокурые волосы светились и поблескивали и, если прежде чёрные волосы подчёркивали её белую молочную кожу, оттеняли, то эти подсвечивали, будто даже не вокруг лица, а включали свет внутри, под её кожей. Тёмные глаза казались теперь огромными, а веки голубоватыми и всё лицо и весь вид оказался тоньше, нежнее и ещё более юный. Несмотря на тот же мой громадный грубый свитер, даже он украшал её странным образом.

– Ну я правильно угадал с образом Твигги, – удовлетворенно сказал Мокрель, бережно опуская пакеты и коробки.

– Кого?.. – переспросил я, не понимая.

Мокрель посмотрел на меня с сожалением и только вздохнул.

– Легендарная была девушка, символ времени. Очень давно. До войны ещё... кому я говорю...

Через час или полтора приятели ушли, не слишком довольные, потому что купили мы мало, совсем не так, как рассчитывал Мокрель. Но с моей точки зрения чересчур много, едва ли не всё моё серебро пришлось отдать за какие-то костюм, платье, бельё и туфли. И пальто. Да, у богатых, и тем более аристократов другие траты, они не считают...

Мы уехали на следующий день. Беспрепятственно перелетели на другой, восточный континент, серебра всё же у меня было немало, мы провели несколько дней в большом городе, среди бетонных высоких стен в отеле очень дорогом, госпожа Ли пояснила, что богатство не вызывает подозрений, чем больше город и чем роскошнее обставлена твоя жизнь, тем меньше люди склонны подозревать неладное.

– Я тебе больше скажу, Одиниган, – сказала госпожа Ли, когда мы вошли в роскошный номер отеля и остались одни, не оставив даже чаевых коридорному, который принёс наши

вещи. – Можешь даже не платить, аристократы зачастую не платят, считая, что уже их внимание это плата. Именно поэтому я заставила тебя купить самые дорогие вещи для меня, чтобы никто не имел сомнений, с кем имеет дело. Чем ты богаче и наглее, тем выше, тем меньше вопросов.

Ей, безусловно, виднее, и, внутри себя я должен был согласиться, тем более что она оказалась права, что я понял через несколько дней, когда мы выезжали и с нас не потребовали никакой платы, а только поблагодарили, что госпожа из семьи Вернигор почтила отель своим вниманием.

Но сейчас я осмотрелся, номер был просторным и пронизанным светом, лившимся из широких окон от пола до потолка, золотыми лампами и подсвечниками, отделкой мебели и хрусталя. Мы и были здесь как в оазисе самой роскошной жизни.

Однако в городе были почти сплошь узкоглазые азиаты, Восток есть Восток, мы здесь были чересчур заметны, так что поэтому, хотя никто не смел и глаз на нас поднять, или, подчиняясь привычке всё время переезжать, госпожа Ли сказала, что пора лететь на Запад, что мы и сделали. Но... с Западом не задалось, уже в аэропорту госпоже Ли стало плохо и мне пришлось оперативно решать, как поступить.

Оказалось, я всё же сильно ранил госпожу Ли, она заболела от моего удара, что подтвердил дежурный в аэропорту медик, подтвердив, что ей грозит смертельная опасность и необходимо серьезное лечение. Он наговорил много непонятных слов, бледнел и тарашил глаза, показывая мне снимки, в которых я ничего не мог понять, и... Удивительно, но мной обуял страх, граничащий с паникой. Я, много месяцев выслеживавший её с одной целью, найти и убить, теперь оказался напуган до безумия вероятностью её смерти...

...Я проснулся глубокой ночью от дрожи и нестерпимой жажды, поднялся, налил себе воды из кувшина, что стоял тут же, хорошо видный в лунном свете, которым, как голубоватой мутной водой, была залита спальня сквозь большие окна. Вода показалась мне противной, невкусной и не просто пресной, а словно неживой, захотелось сплюнуть, что я и сделал, но случилось больше того, меня с шумом вывернуло этой самой водой. Чистой и свежей, но мне казалось, её выпустили из животов каких-то старых лягушек...

После рвоты, отдышавшись, я вышел вон из спальни в поисках более приятного питья. Зажёгся свет в столовой, я бодро двинулся к буфету, за стеклянными дверцами которого посверкивал бар, множество разнообразных бутылок. В своей слепящей странной жажде я забыл, что алкоголь мне нельзя, что я клятвенно обещал это Никитину никогда больше его не касаться, нетерпеливо откупорил бутылку тёмно-красного вина, налил бокал до краев и стал жадно пить. Но вино было отвратительно, запах его был искусственный, вкус кислый и химический, кусал язык. Я заставил себя проглотить, с удивлением взял в руки бутылку, чтобы рассмотреть этикетку, хотя странно за время своего бражничества я отлично приспособился принимать любое пойло, но не успел, как меня снова вывернуло прямо на пол, раз и снова. Да так шумно, что...

– Что, господин Всеслав? Замучила жажда? – спросил голос Серафима, самого его я не видел, согнутый в своих тошнотных конвульсиях.

– О-ох... – простонал я, чувствуя как дерёт горло после рвоты, прижал к лицу салфетку. – Ты... откуда знаешь.

Серафим подошёл ко мне. Я, наконец, посмотрел на него, он был очень мрачен почему-то и на удивление ещё более красив, чем всегда. Одет во всё белое и длинное... странно, я никогда не видел его таким.

И вдруг у меня закружилась голова, как спьяну, хотя из меня не только всё вино, но и вся вода вышли, расплескавшись теперь по цветной плитке на полу.

Серафим протянул мне руку. Это было странно. Но ещё страннее и страшнее произошло в следующее мгновение, кто-то голосом Серафима произнес резко:

– Не смей!.. Не смей касаться его, Фос!

Станный белый Серафим обернулся, а я посмотрел на голос, там тоже был Серафим, но никакой не белый, а нормальный, у меня загудело в голове, качнулась вся комната, я упал на колени, пытаюсь сдержать рвоту, но меня мучительно вывернуло опять, и я повалился на пол, в какую-то давящую темноту, а потом вынырнул, судорожно вдыхая.

– Пей... – услышал я как через шапку, и почувствовал странный вкус во рту.

– Что это?.. Кровь?!.. – прошептал я, пытаюсь оттолкнуть бокал, прижатый к моим губам. – Ты... что... ты с ума сошёл?!

– Пей ты! Вампир недоделанный... – пробормотал Серафим...

...Я поднялся на шум и застал лохматую Кики, тоже выходящую из своей комнаты, поспешно запахивая халат, шлёпая толстыми ногами по полу, шлёпанец соскочил, она едва не оступилась, если бы я не поддержал её под мягкий бок. Мы с ней оказались на пороге буфетной, Кики вначале обмерла, а потом ринулась было, собираясь завопить и прекратить происходящее. Но я остановил её, обхватив руками и зажав рот. Я вытянул её в коридор и зашипел на ухо.

– Тихо!.. Не мешай им!

Кики забилась, тараща глаза и отталкивая меня. Я оттащил её дальше, в её комнату.

– Ты что?! Ты... ты видел?! – шепотом закричала она. Именно так, побоялась и не посмела кричать в голос.

– Именно, что я видел! – тихо сказал я. – А если мы такое увидели, что будет, если они узнают, что мы это видим?..

Я сделал «глаза». Кики смотрела на меня расширенными зрачками, в которых до сих пор стоял испуг.

Вообще-то было, чего испугаться. Мы с Кики увидели, как Серафим, склонившись и придерживая господина Всеслава за затылок, поил его кровью из большого бокала. Не было никакого сомнения, что это именно кровь, и не только потому что у Серафима была окровавлено запястье, но и по виду жидкость, капавшей с подбородка господина Всеслава. Кровь не перепутать ни с чем. Как оказалось.

– Так Серафим... теперь обратит господина Всеслава... ты представляешь...

– Я не знаю, кто тут кого обратил и во что, и вообще, что там происходит, я знаю только, что некоторые тайны должны оставаться тайнами, и господа никогда не должны догадаться, что тебе известны их секреты, – тихим, но отчетливым шепотом проговорил я.

Кики продолжила тарашиться, поэтому я добавил:

– Я не только не знаю точно, что там происходит...

– Как что? Мы же своими глазами...

– Глаза лгут. Мы видим, то, что хотим видеть или то, что когда-то видели. Так мы устроены. Поэтому, что именно там сейчас происходит, мы не знаем. Это, во-первых. А во-вторых: Серафим уехал с госпожой Ли, а вернулся с этим вашим царевичем Всеславом. Мне он не господин, я раб госпожи Ли, куда они дели её? Эти двое? Они вернулись вдвоем, а где она? Что они с ней сделали?!

– Ты... дурак, что ли, Атли? – моргнула, наконец, Кики. – Вот вроде умный с виду, а дурак...

Она покачала головой, очевидно, от моей несусветной дурасти.

– Мы не знаем... всё бывает.

– Что бывает, идиот?! – Кики толкнула меня, нависшего над ней. – Я вырастила их, своим молоком вскормила, и Серафим на моих глазах рос, уж я-то знаю, что тут... и кто кого, когда и как. И даже сколько и во сколько... И... если я молчу, не значит, что ничего не знаю. По твоим же правилам. Между прочим...

Она взяла стакан, налила воды и жадно выпила, почти так, как господин Всеслав пил сейчас кровь из хрустального бокала. Потом снова посмотрела на меня, не опуская стакан на стол и сказала:

– И потом... для чего они, в таком случае, сюда бы приехали? Вот если твоя выдумка верна!?

Действительно, глупо... Я почесал затылок.

– Вот то-то! Прежде, чем умничать, ты все обдумай, – Кики как всегда неожиданно выдала слова достойные мудрейшего человека. Как ей это удавалось, никогда не понимал. Но она тут же меня припечатала в своём обычном духе: – Вот же... дурак исландский.

– Ну ладно тебе... – пробормотал я.

– Ладно... зачем ты мне помешал? – у Кики были слишком светлые водянистые глаза, казалось, она не может ими сверкать, но она сверкнула. Очень сердилась на меня, ни разу ещё не видел её такой.

– Мы ничего бы не изменили, что произошло, уже произошло, хоть я и не понимаю, что...

– Что тут понимать-то?! Яснее некуда.

– Да не верю я в вампиров! – воскликнул я, сердясь, вот то умная, то какая-то бабка, суеверная мракобеска. – Какие-то страшилки из средних веков.

Кики посмотрела на меня, качая головой, глядя на меня снисходительно, едва ли не с жалостью.

– Ты не знаешь их, поэтому не видишь, они изменились оба, – выдохнула Кики, поднимаясь. – Я не могла понять, что именно, что за чертятина... теперь ясно, что. Как их к Ли подпустить теперь?

– Ли... Госпожу Ли ещё найти надо... – вздохнул я...

...Невозможно описать, как я хотел её найти. Найти мою жену, которую я так ненавидел. Которая обманула меня. Казалась такой необыкновенной, такой чистой, чище потоков воды с наших тысячелетних ледников, и обманула. Сбежала. С рабом. Отказалась от потомка Одина и сбежала с вещью, игрушкой. Я бы даже понял, что она со скуки развлекалась, все так делают, но она выкראה его, как какую-то ценность, и с ним сбежала...

Но я не мог дышать без неё. Все эти месяцы я был как в железном ящике, и ещё с удавкой на шее. Я метался по всему миру из конца в конец, где будто бы находили её или её следы, но все безрезультатно. Многие-многие бесконечные месяцы. И вдруг в один совершенно прекрасный день ко мне вошёл начальник охраны и доложил, что в нашем аэропорту задержан странный пассажир с ещё более странной спутницей и настаивает на встрече со мной.

– Чем он странный?

– Всем. Мне кажется, это человек господина Вернигора Всеволода.

– Всеволода?..

Уж совсем непонятно.

– Да. И он передал вам записку. Будете смотреть?

– От Всеволода?

– Нет. Он от себя.

Я развернул листок. «Господин Генрих! Со мной госпожа Ли. Она ранена. Вы позволите привезти её во дворец?»

У меня задрожали руки. Не может быть... ты ищешь Ли по всему миру, потеряв сон и всё самообладание, и вдруг просыпаешься и тебе говорят, что Ли в аэропорту... Я снова посмотрел на начальника охраны.

– Что за странная спутница с ним? – спросил я.

– Я не знаю, господин Генрих. Мне кажется, она больна. Или ранена. Я не понял, – пожал плечами начальник охраны. – Я не очень разглядел её.

– Привезите их сюда. И лекаря пусть пришлют сюда.

И уже через полчаса Ли, очень худая, коротко стриженная и даже белокурая, абсолютно неузнаваемая и абсолютно та же, моя жена, лежала в нашей спальне, а лекарь осматривал её.

Я не мог поверить в это. Я стискивал руки, чтобы никто не заметил моего волнения. Вышел в гостиную, где оставался этот гигант, что привёз её, большущий, лохматый Одиниган. Я помню его, видел при Всеволоде.

– Господину Всеволоду передай мою благодарность, – сказал я. – Ты же получишь золота от меня. Но... расскажи, что случилось? Что с ней?

– Она ударилась, – с готовностью ответил Одиниган. – Оступилась и сильно ударилась головой. Я это сказал вашему лекарю. ..

Но ему не пришлось продолжить, потому что вошёл мой отец.

– Ступай. Тебя накормят и разместят. Я после найду тебя, – скомандовал я Одинигану, незачем отцу его видеть.

Но отец видел всё, даже то, чего, кажется, видеть не мог.

– Где она? – спросил он, глядя мне в глаза. – Где Ли?

– Ты всё знаешь... откуда?

– Я в своём доме, – ответил отец. – Так где она?

Он шагнул к спальне, но я преградил путь. Отец усмехнулся, щуря серые глаза.

– Не пустишь?

– Нет, – тихо, но твёрдо сказал я.

– Ну что ж... учись быть львом. Я слышал, больна? Серьёзно? Заразу бы не притащила на остров.

Я вспыхнул, но в этот момент в гостиную вышел лекарь.

– Нет, господин Ольгерд. Нет никакой заразы. У госпожи нервное истощение, сотрясение мозга, возможно. И ещё госпожа сильно простыла. Лучше помесить госпожу в лечебницу.

– Сюда всё пришлите, – сказал мой отец.

Лекарь поклонился.

– Слушаюсь, господин Ольгерд.

– Ты можешь не сообщать Агнессе Вернигор? – проговорил я.

Отец усмехнулся снова, качая головой.

– Ты как дитя, сын мой. Полагаю, Агнесса всё знает уже. У неё всюду глаза и уши. Но... с чего это надо от неё скрывать?

Я пожал плечами. Я сам не знаю, почему, но мне от всех хотелось скрыть, спрятать мою жену. Словно примчатся и отнимут...

Ли пришла в себя к вечеру. Открыла глаза, посмотрела на меня, коснулась пальцами моей руки и плеча и снова закрыла, уснула. Глаза её были проплывшие между ресниц огромные, тёмно-синие, их взгляд... я так и не понял, увидела она меня, узнала ли.

Наутро стало ясно. Узнала и, не говоря ни слова, расплакалась, закрываясь ладонями.

Я обнял её плечи, стараясь касаться нежно, плечи её были тёплыми, горячими даже из-под одеяла, и такими худенькими, острыми... не были такими прежде.

– Ну что ты, Ли, не плачь, не бойся, я не сержусь, я понимаю, почему ты...

Она отняла руки от лица, поднялась, садясь.

– Генрих, отпусти меня, слышишь? Отпусти, у тебя же есть любимая жена, на что тебе я?..

– Ли...

Но после этого она впала в лихорадочное забытье и эти её слова я отнёс к болезни...

...Я вернулся в Вернигор. Оставаться в Кейптауне дольше не имело смысла. Надо было возвращаться в Вернигор и разобраться с Всеволодом, выяснить, какого чёрта его человек похитил Ли. Во мне всё клокотало от злости при мысли об этом. Но пока мы летели, я думал, и, главное, понял, что спрашивать Всеволода об Одинигане не имеет смысла, только понять, для

чего он это сделал? Похитить Ли было странно и необъяснимо, если только он хочет заслужить дружбу Исландцев.

Однако была ещё одна странность, оказалось, после того странного ночного приступа я пролежал без сознания два дня. Когда я проснулся, было утро третьего дня от того, когда мы приехали сюда. Я смотрел в обеспокоенные лица Кики, Серафима и Атли, столпившихся у кровати.

– Два дня? И разбудить не могли?

– У вас был жар, господин Всеслав, – тихо проговорила Кики, напугано хмурясь. – Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – немного растерянно проговорил я, садясь в постели. – Позволь, Кики, я встану.

Она поднялась с края постели, куда присела ко мне.

– И вы ничего не помните, господин Всеслав? – спросил Атли,

Я ещё больше удивился. Странно, но на него зло сверкнул глазами Серафим, бледнея.

– Помню? А что я должен помнить?

Атли немного сжался под взглядом Серафима, поднимая плечи, будто хотел от него скрыться, и проговорил:

– Ну мало ли... может быть, господин упал. Причина должна быть...

– А я упал? – недоумевая, проговорил я, осознавая, что вообще не помню, как ложился. Может быть, я уже эпилептиком стал?..

– Нет, господин Всеслав, вы не падали и вы здоровы, – быстро проговорил Серафим, и мне показалось, он хочет загородить меня от всех. Теперь. – Просто нервное напряжение. Нервная система дала сбой.

Я посмотрел в его голубые глаза, сейчас он был очень бледен и следил за мной очень внимательно.

– Так... хватит тарашиться, – сказал я. – Кики, накорми меня. Приму душ и после завтрака поедим отсюда домой, в Вернигор. Оттуда станем искать Ли.

Добраться домой заняло время, в течение которого я размышлял, планируя. Если Ли похитил человек Всеволода, а сомневаться в этом причин нет, то зачем? Значит, врал мне, разыскивал Ли для каких-то своих целей. Каких? Это странно. Какие цели у него могут быть? Зачем ему Ли?!

Мной обуяла ревность, туманя разум, к счастью долгая дорога на Север, способствовала успокоению и раздумьям, этот вынужденный временной перерыв помог мне справиться с эмоциями и снова заставить себя трезво размышлять. Выводы не были утешительны, но точно преждевременны. Единственное, что успокаивало, Всеволоду незачем причинять вред Ли, скорее всего хочет выгодно для себя вернуть Исландцам? Тогда и бабушка в курсе дела. Но в таком случае вообще не понимаю... Я окончательно запутался.

Сейчас я знал только одно, пока Ли не рядом со мной, она в беде. В этом я был уверен. Но от моей способности собраться и соображать зависело все теперь. Впрочем, как и всегда. Мне понять бы это раньше...

Потому по прибытии в Вернигор все свои эмоции я спрятал поглубже. И направился к бабушке сразу. Она улыбнулась, поднимаясь навстречу мне из-за своего стола, едва не обняла, но ограничилась тем, что положила руки мне на локти.

– Ты здоров? Мне докладывали, у тебя там случилось что-то странное с рабом Ли, этим Серафимом, которого, помнится, ты терпеть не мог.

– Какой-то неизвестный напал на нас, обоих ранил и похитил Ли.

– Кому и для чего надо похищать Ли? – бабушка удивленно подняла светлые, ровными скобками брови, лоб собрался в складки, но тут же расправился, у моей бабушки не было морщин. Помню, я спросил её во времена нахального отрочества, почему она уничтожает мор-

щины, если мужчины ей не интересны. На этот вопрос она ответила, рассматривая своё лицо в зеркале: «Правитель не имеет права показывать слабость. Дряхлость тем более», коснулась кончиками длинных пальцев своего подбородка и безупречной белой шеи и, посмотрев на меня, добавила: «Ты когда-то это поймёшь».

– Выкуп пока не требуют?

– С меня? – бабушка удивлённо посмотрела на меня. – С меня – нет. Быть может, потребуют с Генриха Исландца.

– С Генриха?

– Она его жена. С кого ещё требовать.

Я пожал плечами.

– Если она ещё нужна ему.

– Нужна, будь спокоен, – бабушка снова села за стол в своё похожее на трон готическое резное кресло. – Быть может, только для того, чтобы сохранить реноме, но нужна. Ольгерду тоже, бьёвить всему миру, что невестка бросила сына... на это мало кто решится.

В этот момент я подумал, что моя бабушка знает намного больше, чем говорит мне.

– Ты успел хотя бы поговорить с Ли?

Бабушка посмотрела на меня, и я понял, что этого она не знала, потому что просто не могла знать, но знала обо всём остальном. Интересно, знает ли она, что Ли похитил раб Всеволода? Я долго смотрел на неё, пытаюсь понять. Нет, не думаю всё же, что ей хоть что-то не известно об Оедингане.

И тут мне пришла в голову мысль, я удивился, что не подумал раньше использовать потайные ходы, в которых когда-то пряталась Ли, чтобы тайно присутствовать при переговорах и заседаниях Совета. Почему я ни разу до сих пор сам не воспользовался этими проходами, чтобы подслушать, что происходит в кабинете моей бабки, когда меня туда не зовут? И почему наивность во мне осталась нетронутой с детства? Всё же бесхитрость почти всегда означает глупость. Пора уметь.

И, выйдя от бабушки, я нырнул в тайную дверцу в узкий коридор, что шел между всех комнат и коридоров. Я чётко помнил, за какой панелью здесь задвижка, за которой открывался вид на бабушкин кабинет как раз у нее за спиной. Теперь я видел всё, что видела бабушка. И... вот этого я не ожидал и не предполагал, что у неё есть такая вещь.

Перед бабушкой открылась панель, скорее всего голографическая, потому что она развернулась на ширину всего кабинета и, когда она набрала код на пульте, засветились несколько точек. Я увидел инициалы и сразу понял, что они означают. Да, у нас с Ли не было маяков в крови, как у всех прочих людей на планете и почти всех правителей, но на ней, а значит, и на мне был какой-то иной маяк, потому что точка с именем Ли была на экране, не инициалы, имя, правда, и светилось не красным, как у всех, а голубым светом. Я увидел и Всеволода, он перемещался, и довольно быстро, правда, направления я не смог определить...

Бабушка Агнесса в задумчивости отодвинулась от стола, отвернулась, потом снова набрала код, который я теперь отлично запомнил, и снова вспыхнули яркие точки-инициалы на карте. Она снова долго всматривалась в них, будто что-то было не так. Наконец я понял, что её смутило, и, честно говоря, мне стало очень не по себе, как полагаю, и моей бабке. На этой карте не было точки с моим именем... ни красной, как все, ни голубой, как Ли. Никакой

Глава 5. Чайки

Мы с Ли завтракали в спальне. Она была ещё очень слаба, чтобы выходить к общему столу, я не хотел рисковать и позволил ей, завернувшись в халат, который был, как продолжение пледа, большой и мягкий, только с рукавами, сойти с кровати и сесть за маленький чайный столик, предназначенный для таких вот, камерных завтраков. Я хотел, чтобы принесли поднос в постель, но Ли воспротивилась.

– Я не люблю есть в постели, – сказала она, хмурясь, очень бледная, осунувшаяся, а с этими стриженными крашеными волосами вообще не похожая на себя, если бы не длинные соболиные брови и чёрно-синие громадные, даже пугающе большие глаза, даже щёки ввалились, и выступил подбородок. – И... позволь, я приму душ.

Она не смотрела на меня, то ли смущаясь, то ли просто не имея сил.

– Тебе ещё нельзя.

– Я умру, если не сделаю это немедленно, – сказала она, всё же посмотрев огромными чёрно-синими глазами мне в лицо. Наконец-то.

– Конечно. Но рабыни последят и сразу оденут тебя.

Возражать она не стала, да и с чего бы, сопровождать госпожу при купании обязанность, почетная притом. Раньше с ней была её личная вернигорская рабыня, Кики, которая управляла всеми, теперь ее нет, ничего, выберет и назначит любую. И вот теперь она, Ли, сидела напротив меня в маленьком креслице, в белом пушистом халате, расшитом золотыми лепестками, вся укрытая им, потому что шлейф был достаточный, чтобы обернуть её ножки, они мелькнули перед моим взглядом в маленьких туфельках с каблукочком и брошками на мысках.

Как похудела моя милая Ли, выступили скулы, эти короткие волосы, по странной причуде белокурые, шея казалась бесконечной, ушки, открытые сейчас, прежде прятались под волосами, такие маленькие белые раковинки, не знал, что они такие красивые, ключицы... впрочем, она запахла, словно почувствовал мой взгляд. Она взяла чашку, костяной фарфор это из её приданого, белоснежный из каких-то старинных коллекций, в нем и чай и кофе имеют совсем иной вкус, так говорила Ли, теперь я знал, что моей жизни вкус придает только одно – присутствие в ней самой Ли.

– Вкусный чай, – сказала Ли, опуская чашку на блюдце, на кистях просвечивают тонкие вены, выступили косточки. Мне захотелось прижаться губами к ним.

Я это и сделал, не владея собой уже, упал на колени перед нею, впрочем, было мягко: ковёр, её халат, я не ударился костями. Сама она... её и не нащупать там, в волнах душистого и мягкого белоснежного велюра. Но руки её я поймал и прижал к своему лицу, горячие, тонкие, узкие...

– Ли!.. Ли, прости меня! Прости меня, умоляю!.. Я так виноват...

– Да ты что, Генрих?! – она чуть ли не отшатнулась. – Это ты прости меня.

– Нет... я виноват. Я понимаю... я понял... я не должен был... Прости меня... я больше никогда... Только не оставляй меня... – выпалил я.

Наверное, будь я умнее, промолчал бы, сдержался, но я впервые был так счастлив. Вообще, кажется, впервые в жизни. Ли немного растеряно, как мне кажется, гладила меня по плечам. Гладила очень осторожно, будто опасалась. А раньше бы погладила волосы... так или нет? Или я уже начал фантазировать, выдумывать прошлое, которого не было? Или оно всё же было? Я осмелел в желании проверить и притянул Ли к себе, как-то нащупав её в волнах белого пухлого велюра.

Она всплеснула руками, то ли пугаясь положить их мне на плечи, то ли от растерянности, которая владела ею, в итоге я прижал её, а она прошептала:

– Генрих... прости меня...

Я отодвинул её, чтобы посмотреть в лицо, она такая худенькая, прозрачная, сквозь тонкую кожу просвечивали вены на веках и шее, ставшей такой длинной, тонкой, глаза сейчас казались невероятно большими и совершенно бездонными от синевы ли, или от удивительно широких зрачков, которые втягивали меня в себя, как в омут.

Я не ожидал от себя того, что сделал в следующее мгновение, я притянул Ли к себе и впился в ее рот губами. Она отпрянула, словно испугавшись.

– Генрих... – беззвучно проговорила она.

Но я подумал, что проявить решительность, будет лучшим решением и притянул её голову ладонью, целуя уже смелее, прижимая губы к её рту, но и Ли отодвинулась решительнее.

– Генрих... я... нет... я изменила тебе. Я больше не твоя жена. Да и не была... не должна была...

Я не стал настаивать. Не монстр же я, в самом деле. Я могу и подождать. Конечно, обида и долгая разлука... к тому же...

– Ли, я понимаю... – проговорил я. – Ты оскорблена, я с самого начала вёл себя, как идиот... Но теперь всё иначе, я прогнал Холлдору. Ты одна будешь моей женой. Только ты... Ты одна!

Ли смотрела на меня, зрачки её стали ещё шире, мне кажется, её трясло, я это почувствовал сквозь пухлые складки ткани.

– Нет... – она тряхнула своей маленькой стриженной головкой, делавшей её похожей на птичку.

– Ты ревнуешь?.. Конечно... Думаешь, недостаточно прогнать её? Хочешь... хочешь, я убью Холлдору? Не будет больше никого, только ты, одна ты! Хочешь?! Ли, я всё сделаю для тебя... – восторженно воскликнул я.

– Да ты что... что ж ты говоришь... – произнесла Ли, бледнея. После чего обмякла в моих руках, склоняясь головкой к моей руке, глаза за миг до этого ставшие чёрными, закатились под веки, хотя они не сомкнулись вполне, я видел, как просвечивают между чёрных ресниц голубоватые белки.

– Ли... Ли! – воскликнул я, пугаясь, подхватил её в объятия, чтобы отнести в постель. Какой она стала лёгкой! Мне кажется, покрывало-халат, что было на ней, было тяжелее, чем сама Ли и больше мешало мне, пугаясь под ногами.

Я захотел немедленно сделать с ней всё, что мне снилось много месяцев неотступно каждую ночь, я даже схватился было за брюки в намерении стянуть их и выпустить на волю горячий в нетерпении член, но остановил себя. Воспользоваться бессознательным состоянием... можно, конечно, и после, думаю, я нашёл бы оправдания себе, но я не хотел так, я не хотел даже, как было прежде, я хотел огня желания с её стороны, я хотел, чтобы она сходила с ума по мне, как я схожу с ума по ней...

Поэтому я просто укрыл ножки Ли, подоткнул одеяло и подушки заботливо, чувствуя себя даже не мужем, а нежной нянюшкой и, взглянув ещё раз с тоской и надеждой на мою спящую жену, вышел из спальни...

...Честно говоря, я чувствовал вину, что привёз госпожу Ли сюда, а не отпустил. Но какой у меня был выбор? Я испугался её состояния, я боялся, что она умрет, как я мог ещё поступить? Отвезти её в Вернигор? Но там в любую секунду мог появиться господин Всеволод, а это угроза для госпожи Ли, здесь ей точно не угрожала смерть. Я не хотел думать, что я сам боялся господина Всеволода, хотя рано или поздно мне придётся предстать перед его глазами, я его собственность. Долго ждать не пришлось. Скоро господин Всеволод сам пожаловал на остров.

И первым делом он позвал меня. Долго молчал, пока я стоял перед ним. Мне кажется, это его молчание было какой-то новой формой пытки. Он молчал и не смотрел на меня, покручиваясь в кресле туда-сюда и, сложив пальцы домиком, всё это время я стоял перед ним, раз-

мышляя, что он придумает, чтобы наказать меня. Наконец, он заговорил, но будто не со мной, а сам с собой.

– Возникает вопрос, что сделать со странным строптивым рабом. Станным, строптивым, который не исполняет приказов хозяина?.. Может быть...

Господин Всеволод снова умолк и отвернулся в своем кресле, продолжая покручиваться.

– Даже совета спросить не у кого... оказалось, ни у кого никогда не было таких негодных рабов.

Он снова покрутился в кресле.

– А ты как думаешь? – проговорил он, не глядя на меня.

Я не зал, что мне сказать, и действительно ли он ждёт от меня ответа.

– Как считаешь, железный ящик будет достаточным наказанием для того, кто бессовестно ослушался приказания господина? Для наглого своевольно раба? Мне интересно твоё мнение. Ты умный, даже образованный человек, образованный благодаря мне. То есть я заботился о тебе, а ты отплатил мне чёрной неблагодарностью. Что делают с рабами за это? – наконец он поднял глаза на меня, сейчас тёмно-синие, как исландский лёд, и смотрел очень долго, даже не произнося, а будто сквозь, словно меня вообще нет.

Не думаю, что он в действительности ждал моего ответа. Долго-долго смотрел на меня. Потом сделал движение пальцами.

– Иди, Одиниган. Я подумаю.

Я вышел и отправился к себе, а мне в этот раз не полагалось отдельной комнаты, как бывало всегда при господине Всеволоде, как я привык в течение лет, потому что он ценил меня. А теперь... теперь мне было предоставлено ожидать наказания. И томиться этим.

В результате я слонялся без дела по острову, потому что проводить время в комнате с шестью соседями, которые вовсе не стремились принимать меня в своё общество на равных, они тут все были свои, а я чужак, причем привилегированный, ведь все рабы Вернигоров были почти на уровне свободных, располагались и даже кормились в столовых отдельно от местных рабов, а теперь я был спущен вот к этим, аборигенам, к которым всегда относился свысока. Не могу сказать, что я так уж страдал из-за этого, мне некогда довелось испытать куда большие унижения и даже жестокости, я страдал внутри себя только по одной причине, что не послушался госпожу Ли и не отпустил её.

И вот, будто в наказание мне, через неделю после нашего приезда сюда, я встретил её в одной из башен дворца, смотрящей на океан, хорошо видимый отсюда. Она ещё похудела с того дня, что я её не видел, кожа её казалась голубоватой то ли потому что было холодно, то ли потому что волосы её были белые с голубинкой, впрочем, корни уже изрядно отросли.

Услышала она мои шаги или ещё как-то почувствовала, что я рядом, но она обернулась на меня.

– Одиниган... – проговорила госпожа Ли, прекрасная госпожа.

– Это я, моя госпожа, – сказал я, склоняясь.

– Я не твоя госпожа, – холодно произнесла госпожа Ли. – Будь я твоя госпожа, ты не предал бы меня.

Я упал на колени у её ног, на ней белые одеяния: свитер, куртка из белого меха местных коз, длинная юбка из их же шерсти, и даже сапожки свалены из тёплой шерсти этих коз. Госпожа Ли отступила на шаг, не желая, чтобы я коснулся её.

– Простите, госпожа Ли! – воскликнул я.

– Незачем протирать колени! – холодно произнесла она, даже не оборачиваясь. – Вставай и отправляйся к своему хозяину.

– Госпожа Ли...

– Считаешь, я должна быть благодарна, что оставил мне жизнь? – негромко проговорила она, по-прежнему не глядя на меня. – Так я не себя, тебя спасала. Мне здесь... – она не дого-

ворила, дрогнув шеей, оставив мне догадываться о том, как радостно здесь ей находиться. – А тебе одним грехом меньше. Всё перед Богом стоять легче.

Это удивило меня. Очень. Искренне говорит о Боге? Незачем ей лгать сейчас, не передо мной, я пыль, потому что она не просто госпожа, и даже не просто аристократка, она – Вернигор, только сейчас, в последние недели я понял и оценил, насколько во всём мире уважали и боялись прогневить этот всесильный клан. Ведь любой другой муж, вернись жена после стольких месяцев безвестного отсутствия, уж точно не стал бы, дрожа голосом и сверкая счастливыми глазами, буквально сдувать с нее пылинки, а Генрих поступал именно так. Именно поэтому я и привёз её сюда, я не был уверен, что в самом Вернигоре она будет в безопасности. И ладно бы только Генрих Исландец так поступал, можно понять, он во власти страсти, и я знал об этом, но его отец, сам Ольгерд поступал так же, в их крыле даже коридоры выстланы коврами, чтобы не беспокоить звуками шагов недомогающую госпожу Ли.

– Ты привёз меня туда, откуда я сбежала. Туда, где людей расстреливают из ледяных пушек, в качестве эксперимента и... и не только... Я по всему свету носилась, как сумасшедшая, чтобы только не видеть больше этого проклятого острова, настолько же прекрасного на глаз, насколько страшного.

– Госпожа Ли... я... я испугался.

– Ты?... Ты испугался... а мне? Как считаешь, мне не страшно? – она повернулась, наконец, и посмотрела на меня горящим взглядом. – Тогда к своему раскаянию добавь ещё маленький штрих. Пока маленький, очень маленький, но который будет расти день ото дня...

– Ч-што... – растерянно пробормотал я, не понимая.

– Я беременна, Единиган. И не от Исландца, – сверкая глазами, проговорила она. – Вот теперь подумай, угрожает мне что-то здесь? Здесь, где людей пытаются, считая, что рабы не люди. Что они сделают с неверной супругой? Беглой к тому же.

– Исландец любит тебя! – воскликнул я.

Госпожа Ли усмехнулась, качнув головой. Прелестной маленькой белокурой теперь головкой, волосы вились и переливались, будто светились от высокого неба.

– Какой ты наивный, индеец... В мире правителей нет места любви.

– Но ты же прилетела на Ледяной континент ради любви! – воскликнул я, да, я уже понял, зачем она была там, где я всё же нашёл её. Отчаяние в разлуке с тем, от кого я оторвал её, подсказало мне ответ на все вопросы.

Она не обернулась на мои слова, только произнесла сухо:

– Потому что я всего лишь поделка!

Сказав это, она двинулась к лестнице с галереи, но я, чувствуя беспомощность, раскаяние и обиду вместе, шагнул за ней. Тут она оступилась и, если бы я не был рядом и не подхватил её, покатила бы по лестнице вниз. А так я поднял её на руки высоко, она была очень лёгкой, и понёс вниз, на галерею, оттуда в их крыло. В большом замке им отвели целое крыло, ей и Генриху. Здесь же прежде были и покои второй жены Генриха Холлдоры, теперь её не было в замке и их переделывали. Куда отправили бывшую любимую жену Генриха, я не знал, позже мне рассказали, что Генрих отправил её в замок своей матери, далеко на север, причём отправили давно и вроде бы даже беременной. Вот так, любил-любил и избавился, как от ненужной вещи. Я сам никогда в любовь не верил, и в лице Генриха Исландца только получил подтверждение этому, как легко то, что называют любовью, растворяется как дым, едва сгустился дым из другой трубы.

И вот это самый Исландец не мог надыхаться на госпожу Ли, которая сейчас страдала то ли от токсикоза, то ли от моего удара, не могу с уверенностью сказать, но точно была нездорова. Он брал её руку в свои и целовал каждый пальчик и ладонь, доходя до запястья, пока она спала и не отбирала у него свою руку. Пока она спала, я стоял рядом, охраняя её сон, заменяя её охрану, и, пользуясь этим, смотрел на неё. Я говорил, я ничего не понимал в красоте этих

белых женщин, но в эти дни я понял одно, совершенство не требует пояснений, красота как законы физики, просто существует, просто работает, осознаем мы это или нет.

Я все время находился рядом, постоянно, я смотрел на госпожу Ли, укрытую под подбородок и спящую большую часть суток, и не мог отвести взгляд. Её лицо словно светилось, черты в гармонии и согласии, оттенок кожи и даже этот цвет волос, не её природный, но подчёркивающий её светящуюся красоту. Да, красоту... Наверное, только в эти дни я впервые в моей жизни я понял, что это такое, красота.

Да, госпожа Ли и правда была совершенство, чудо красоты. Я, в ком не могло быть вождения к ней, смотрел и не мог оторвать взгляда от неё. За эти дни я изучил её лицо в мельчайших подробностях, каждую чёрточку, каждый волосок в бровях и ресницах, потому что у неё они росли неповторимо, как ни у кого, все тончайшие оттенки её кожи, линии шеи, ключиц, плеч, рук... Только поймите правильно, речи нет о том, чтобы я влюбился, потому что, во-первых, невозможно влюбится в госпожу, как нельзя влюбиться в звезду на небе, то есть, конечно, можно, но как в звезду, сияющую и недосягаемую, но и этого я не чувствовал. Так что это не была любовь мужчины к женщине, это было... я не знаю, не смогу дифференцировать. Никогда бы не смог, потому что это всё было со мной впервые и всё это было не объяснить моими прежними чувствами, и опытом прежней жизни. Я не мог видеть в госпоже Ли женщину и не видел. Я видел госпожу и подчинялся госпоже, и то, какой была эта госпожа, ослепляло меня.

Пока не явился господин Всеволод, которому я принадлежал.

– Так-так, Одиниган, – проговорил господин Всеволод, обходя меня кругом и оглядывая где-то в районе пояса, будто намереваясь разрезать напополам и выскивая лучшую линию разреза. – Значит, ты ослушался моего приказа. Приказа своего господина. Значит, ты... ты неслух. То есть, негодный раб... Что ты молчишь? Если ты негодный раб, а я думаю именно так, значит, ты повинен смерти. И я могу тебя смерти предать.

Он остановился напротив меня, высокий, моего роста, великолепный, невероятно, божественно красивый господин Всеволод. Всеволод Вернигор. Потом отошёл и сел в кресло, хотя казалось, под ним трон. Яркие синие глаза сейчас гипнотизировали меня как всегда. И я, чувствуя себя в полной его власти, тем не менее, не знал, что ответить ему на его вопросы. За меня ответила госпожа Ли.

Именно в эти мгновения, когда господин Всеволод распекал меня, когда я думал, как бы мне, наконец, провалиться сквозь землю, и закончится всё вот этой бранью или он отправит меня в железный ящик. Что именно там, я не знал, даже, что значит «ледяная пушка», я не знал, но по лицу госпожи Ли мне было ясно, что это страшное испытание. Так что я замер и внутренне сжался в ожидании любого приговора моего господина, как вдруг неожиданно в покои господина Всеволода распахнулись, едва ли не по лбу ударив двоих охранников у двери, и вошла госпожа Ли.

– О! Прекрасная Ли! – рассмеялся господин Всеволод, но никакой радости его лицо не выражало, напротив, глаза стали ещё холоднее и злее. – Не ожидал увидеть тебя... в таком... странном образе. Похудела ты...

Он поднялся и обошёл её вокруг, при этом госпожа Ли, высокая и тонкая, оказалась маленький и хрупкой, способствовала этому стриженная головка, делавшая её похожей на воробышка, или то, что она очень похудела, или платье, что было на ней и туфельки на маленьких каблучках, я не знаю, но сейчас господин Всеволод казался рядом с ней исполином.

– Впрочем, тебе идёт, – ухмыльнулся господин Всеволод. – Как-то даже... возбуждающе...

В следующие момент случилось неожиданное, я и предположить того, что увидел, не мог, но этим объяснилось всё. Господин Всеволод подняв руку, коснулся кончиками пальцев её затылка, провёл по шее до самого основания, до торчащей остренькой кочки седьмого позвонка, госпожа Ли отклонилась, и я увидел мелькнувшие отвращение на её лице. В этот

момент я всё понял, я понял, почему господин Всеволод хотел убить госпожу Ли, он боится мести господина Всеслава за неё...

– Ну всё? Ты хорошо рассмотрел меня? – немного нетерпеливо и даже как-то небрежно произнесла госпожа Ли, при этом удивительным образом увеличиваясь в росте, и через мгновение она не казалась уже такой маленькой.

Господин Всеволод улыбнулся сладчайшей улыбкой:

– О, Ли, дорогая... ты красивейшая женщина в мире, мне можешь поверить, я знаю, пока разыскивали тебя по всему миру, всех женщин пересмотрели, так что я видел всех. С тобой ни одна не сравнится. Так скажи, разве можно налюбоваться тобой? – ухмыляясь, проговорил господин Всеволод.

– Хорошо, можешь продолжить «любоваться», но одновременно поговорим, согласен?

– У тебя ко мне дело?

– Само собой, я же не считаю, что тобой можно любоваться бесконечно. И не для этого я пришла.

– Да? – господин Всеволод скорчил притворно недовольную мину и, дурачась, посмотрел в зеркало. – А я себя красавцем полагал... думал, ты соскучилась, – явно пытаюсь вывести её из себя, продолжил господин Всеволод, но ему это не удавалось и, похоже, немного обескураживало, хотя виду он не подавал, я это чувствовал, потому что очень хорошо и давно знаю его и привык разбираться в его настроениях.

– Соскучилась... – госпожа Ли посмотрела ему в лицо, пауза затягивалась, она смотрела очень спокойно, а потом в её глазах заблестели искорки. – Несомненно. Очень соскучилась, как же иначе, мы с тобой большие друзья, правда ведь, милый дядюшка? – она улыбнулась, обнажая белые зубы в широкой, светящейся улыбке и даже мило сморщила носик.

И даже подошла к нему, прильнула к боку немного.

– Ведь мы друзья?

– Ну... конечно, – похоже, господин Всеволод не мог раскусить игру госпожи Ли, потому что не только не ожидал, но и считал её неспособной на неё. – Конечно, друзья.

Тогда госпожа Ли погладила его по плечу.

– Я могу попросить у тебя кое-что? Как самая красивая женщина на свете? И, главное, как твой друг, – и она улыбнулась самой милой на свете улыбкой, блестя глазами. – Очень близкий и любящий друг.

Господин Всеволод улыбнулся.

– Господи, да всё, что угодно, Ли, дорогуша. Только с острова не проси увезти, я не смогу.

– Какие глупости, зачем мне бежать с острова? Генрих обожает меня. Даже Ольгерд обожает меня. Так что мне бежать незачем. Да и некуда. Скитаться надоело.

– Я... тоже обожаю тебя, малышка Ли, – проговорил господин Всеволод, переводя и ставя её перед собой, как маленькую.

– Правда? – спросила госпожа Ли.

– Ну конечно! – Всеволод, провёл пальцами по её щеке и поднял за подбородок, мне даже показалось, что он может её поцеловать.

Но госпожа Ли накрыла его руку своими пальцами.

– Тогда прошу, подари мне твоего раба.

– Которого?

Госпожа Ли, не поворачивая головы, легким движением, указала на меня, до сих пор стоявшего здесь столбом.

– Единигана?.. – изображая изумление, проговорил господин Всеволод.

– Да. Моя охрана теперь потерялась, Единиган будет мне полезен. Ну... или я попытаюсь задобрить моего свекра и мужа чем, что они отправят в железный ящик этого индейца вместо

Серафима. Может, простят, что я сбежала тогда. Обидно было, что тронули моего раба. Тем более Серафима.

– Я могу понять... – ухмыльнулся господин Всеволод и наклонился к госпоже Ли всё же и поцеловал её в губы. Легко, но прижал свои губы к её рту. – Но... Одиниган великолепен, он очень дорогой раб.

Госпожа Ли наклонила голову и посмотрела на него исподлобья, и при этом удивительно образом складывалось впечатление, что она смотрит сверху вниз.

– Для красивейшей женщины в мире ведь не жаль? Просто потому что ты хочешь сделать мне подарок. Ведь так, дядюшка?

Господин Всеволод выглядел изумлённо и даже немного растерянно, как и меня, ее просьба застала его врасплох.

– Ну... если ты так хочешь... не знаю уж, для каких утех тебе нужен этот медведь, в особенности после Серафима... но можешь брать. Так и быть.

– Отлично, подпиши документ, – госпожа Ли посмотрела на меня. – Чего стоишь столбом, орясина, принеси бумагу и перо.

Я мгновенно сориентировался, понимая, что если упущу момент, господин Всеволод передумает и устроит некую каверзу в своём привычном духе. Полагаю, так же думала и госпожа Ли, поэтому и спешила. Через несколько минут мы вышли из покоев моего бывшего господина Всеволода и направились по коридору к покоям госпожи Ли.

– Я дарю тебе свободу, Одиниган, за это ты вывезешь меня отсюда и придумаешь, как нам скрыться от слежки, – очень тихо сказала госпожа Ли, не поворачивая головы и сворачивая документ, подписанный господином Всеволодом, по которому я теперь принадлежал госпоже Ли.

Я понял, только здесь, или как давеча на открытой галерее, она могла быть уверенной, что нас не подслушают.

– Но куда вы хотите бежать? В Вернигор?

– Нет, это бессмысленно. Думай. У нас от силы неделя.

Ну и задание, за неделю или быстрее придумать способ исчезнуть не только с острова, но и со всех радаров и камер Земли.

Я отправился на берег, благо теперь у меня, как раба госпожи Ли, была теперь полная свобода, насколько она может быть у раба, но должен заметить нигде не было таких свободных в пределах своей несвободы рабов, как у Вернигоров. Особенно тех, кто жил в самом замке Вернигора. Остальные северяне тоже были более чем лояльны к рабам, но правители Вернигора отличались даже от них действительно добрым отношением. Удивительнее всего, что при этом недовольных среди рабов Вернигоров было больше, чем среди рабов всех других частей света. Однако и преданных и готовых на все ради хозяев и самого Севера тоже. Вот таких преданных не было вообще больше нигде. И это был удивительный и необъяснимый феномен. Поскольку я не только очень много путешествовал по миру, выполняя поручения господина, но и родился не на Севере, я мог оценивать объективно.

Вот тут, под мрачным сегодня небом, заполнено серыми и синими облаками, кусками туч, с чайками, покрикивающими в струях ветра невысоко над землёй, я стоял на берегу океана, катившего свои медленные холодные волны на чёрный песок, океан вдыхал и выдыхал, лаская берег большими ладонями, и услышал разговор двух рыбаков, шедших вдоль прибоя в тяжёлых сапогах до бёдер, куртках и шляпах от дождя, которого, впрочем, не было.

– Шторм будет, а мы опять в море...

– В такую погоду далеко не надо отходить от берега, перед бурей рыба у берега.

– Только успеем ли мы её выловить, пока буря не приблизится и рыба не уйдёт в глубину.

Один из них, очевидно, посмотрел на небо, я не видел, потому что не хотел смущать, поэтому я это понял по их разговору.

- Вот глупые птицы, – сказал один из них. – Улетели бы в теплые края.
 - Ну да, еще скажи в Запретную зону.
 - Может, и летают туда, кто знает этих глупых тварей.
- И они засмеялись, удаляясь...

...Ли вошла в свои покои немного бледная и будто растерянная. Я никак не мог привыкнуть видеть её такой, стриженной блондинкой, и такой... в этих платьях и туфельках, она пока ни разу не надела одеяния, которые носила прежде, которые приятны мне. Увидев меня, она остановилась, будто споткнулась. Но в следующее мгновение улыбнулась, подходя ко мне.

– Тебе лучше? Ты уже гуляешь.

– Да, – Ли подошла ближе и обняла меня. – Генрих, ты... ты прости меня. Прости за то, что я... сбежала.

Я прижал её к себе, желание, которое я то сдерживал, то изливал куда попало. И вот она, та, кого я хочу больше, чем дышать, наконец, в моих руках. Разгораясь, я склонился, чтобы поцеловать её, коснулся её волос, притягивая её за затылок. Ли соскользнула, и заплакала.

– Прости... – я почувствовал, что она оседает, я не сразу понял, что она вот-вот упадёт...

Ну в общем, Ли снова слегла и проболела ещё несколько дней. А потом она просто исчезла...

Глава 6. Кулибин

Нет, право, мне снова захотелось убить эту дрянь. Ну серьезно, только вернулась, показывала, как она уважает меня и любит моего сына, этого чёртова олуха, и снова пропала. И он, идиот, ещё и не сразу сообщил мне об этом, предаваясь своим глупым страданиям. Я решил отправиться в Вернигор к Агнессе. Теперь козыри были в моих руках, и я намеревался пустить их в ход. И это была не только её проклятая внучка, она только развязала мне руки.

...Я говорил с ней. С Ли. Она была теперь совсем другой, совсем не похожей на ту, с которой я говорил почти год назад. Во-первых: она выглядела иначе, чем прежде и дело было не в коротких белёсых волосах, которые не шли ей, не в худобе, которая, наоборот, шла, делая острее её хрупкую красоту, но в том, как она смотрела, как держалась. Я не понял сразу, я только почувствовал перемену, будто говорил совсем с другим человеком. Словно прошло полтора десятка лет, а не несколько месяцев.

Я застал её идущей по галерее. Прежде она носила положенные ей по статусу роскошные одежды, украшения, а сейчас была одета в какое-то куцее платьице и плащик, крошечные туфельки, и вся она, высокая, гибкая, восхитительная и грациозная, сейчас выглядела маленькой и слишком юной, почти ребёнком.

– Я рад, Ли, что ты вернулась, – сказал я, вполне искренне, между прочим.

– Спасибо, Ольгерд, – сказала Ли, глядя на меня своими удивительно яркими глазами, ни у кого в наших широтах я не видел таких глаз, не наши размытые холодными водами глаза.

И отошла к парапету. Вдали мерно кали свои волны океан. Отвесная скала справа сегодня прятался в тумане. Птицы срывались с краю и парили там, скрываясь в облаках.

– И... простите меня. Я понимаю, что прощения быть не может, но... я благодарна за всё. И за то, что не разгласили моё преступление.

– Не обольщайся, Ли, – сказал я, упирая свою ладонь в холодный парапет рядом с её рукой, спрятанной в перчатку из тончайшей голубой кожи в цвет костюму розовато-голубому. – Я не тебя прикрывал, а себя, ну и Генриха, конечно. Он любит тебя.

Ли покачала головой. И я не понял, то ли она не верит, что я заботился, прежде всего, о репутации моего дома, то ли в любовь Генриха к ней.

– Ли, Генрих изгнал Холлдору. Было ошибкой с моей стороны, позволять ему жениться на ней.

Ли посмотрела на меня, удивительно, небо было мрачным и облака такими низкими, что цеплялись за скалы, но когда Ли Вернигор переводила свой взгляд на меня, я становился уверен, что вокруг солнечный день, я будто даже чувствовал лучи солнца на своём лице.

– Нет, Ольгерд, ему не стоило жениться на мне. Он любил Холлдору.

– Ты же понимаешь, что говоришь глупости.

– Да, – она пожала плечами и снова отвернулась, и я опять стал чувствовать холодный туман, липнувший к щекам и ползущий за ворот. – Жаль, что я причиняю столько горя.

– Это не так, – сказал я.

Мне захотелось обнять девочку, она сирота, оторвана от дома, от своей семьи, в которой, похоже, не слишком и дорожат ею, иначе нашли бы давно и не дали бы скитаться. Да и скитаться она бы не стала, убежала бы домой в Вернигор. Мне очень хотелось её обнять, у меня не было дочери, и я не мечтал о ней, но к этой девочке испытывал чувства подобные отеческим. Наверное, из-за Генриха. Его в этот момент мне тоже стало жаль, держал при себе Холлдору, когда влюбился в свою жену, как Ли могла поверить в его чувства?

А теперь, когда она исчезла, мой сын снова страдает... Вообще, любовь и ревность не совместимы с властью. Глупее мой сын ничего не мог придумать. Так что Ли, которая обманула

и меня и, уж конечно, его, и продолжения этого брака и всей этой глупой истории я в душе совсем не хотел...

...Госпожа Ли, то есть, теперь не госпожа, потому что буквально в течение получаса после того, как господин Всеволод подписал бумагу о передаче меня госпоже Ли, она освободила меня. Оказалось, пока я болтался по берегу в своих размышлениях, госпожа Ли оформила все документы, и я стал свободным человеком. Причём не только бумаги, но и электронное перепрограммирование маяков в моей крови, которое я прошёл тут же, при возвращении в замок, у входа меня ждали, отвели в специальное помещение, где за четверть часа в магнитной комнате мои маяки стали маяками свободного человека.

Трудно описать чувство, которое я испытал при этом. Я мечтал об этом, сколько помню себя. Я будто ожил, или, вернее, снова родился. Сказать, что я получил крылья и ветер под них, слишком банально и просто, и слишком бледно. Нет, я вышел свободным из магнитной комнаты. И для меня это значило намного больше, чем все символы свободы, какие придумало человечество за свою историю, и наслаждаться этим я буду теперь до конца своих дней. За одно это я сделался самым преданным слугой госпожи Ли, свободным и оттого куда более верным, чем мог быть любой раб.

Но теперь мне предстояло отплатить ей добром за добро. И мы сбежали с господином Ли, да, да, госпожа Ли снова стала господином Ли, пришлось мне добыть для неё подходящую одежду, я купил в одной из лавчонок подростковый костюм, обувь, и себе, поскольку я не смогу теперь изобразить раба, я стану изображать компаньона юного господина, чтобы добраться до намеченной цели. Я выбрал всё самое дорогое, прислушиваясь к совету госпожи Ли, что богатые люди, тем более аристократы, вызывают намного меньше подозрений. Она приказала мне ждать у калитки, ведущей на неприглядный пустырь позади замка и всей территории парка, где вместо деревьев, которые росли тут низкими и корявыми, были скульптуры и скамьи из лакированных коряг и композитов, которые использовали в строительстве и в быту всюду.

Я должен был ожидать её с наступлением темноты, я пришёл намного раньше и спрятался в ближайших кустах, чтобы не привлекать внимания стражи, которая, несомненно, следит за каждым местом территории, это я знал доподлинно, потому что сам наблюдал это, как они входят в помещение с множеством экранов и отслеживают весь остров. И единственная «слепая зона» была именно здесь, потому что вела к «железному ящику», тюрьме или научной лаборатории, или полигону, непонятно, как правильно, но этого места избегали все и только служащие этого места и ходили здесь. Я это знал понаслышке, как и весь остров, но интересовался детально в связи с побегом госпожи Ли, поэтому всё же лучше других теперь узнал, что такое их «железный ящик».

Я успел замёрзнуть, пока, наконец, не услышал очень тихие звуки шагов. Но не одной пары ног, а двух, лёгкие маленькие шаги и вторые, потяжелее. Я выглянул осторожно, оставаясь невидимым, и увидел госпожу Ли, выглядевшую, как забавный хрупкий подросток в коротковатых брючках и шапке, надвинутой на уши, и второй, похожий на неё, только очевидно мужчина, только мелкий и тощий, ростом меньше Ли. Я испугался в первое мгновение, но потом понял, что они идут рядом как друзья, и поэтому вышел из укрытия.

– Ты как кот... – проговорила госпожа Ли, вздрогнув от неожиданности, когда я оказался прямо перед ними. – Совсем неслышный.

– Кто это? – спросил я, глядя на плюгавого.

– Кулибин я, – ответил нахал, потому что только нахал может ответить на вопрос раньше госпожи.

– Он пойдёт с нами. Позже объясню... – проговорила госпожа Ли.

Плюгавый Кулибин улыбнулся, и хотя мне хотелось треснуть его по затылку, я сдержался. Я привык слушаться, может быть, пора начать отвыкать, но сейчас был не тот момент, поэтому

мы просто двинулись дальше по дорожке вначале ровной, пока она вела к железному ящику, а потом, когда мы свернули, стала петлять между камней. Теперь вперёд вышел этот мелкий и вёл, очевидно, хорошо разбирая дорогу даже в темноте. Надо же, а ведь собирался вести я, хотя, как выяснилось, ориентировался намного хуже.

– Вообще-то я Тимофей Петькин, но Кулибиным меня прозвали ещё на родине в детстве, потому что я...

– Что ты? Языком молоть горазд?

– Э-нет! – мотнул головой Кулибин или Петькин, и подоткнул рюкзачок, что был у него на спине, в нём что-то знакомо славно дзынкнуло. – Иван Петрович Кулибин был гениальный изобретатель. Мои таланты, по правде сказать, шире, я не только гениальный инженер и математик, химик, топограф, но и врач... есть ещё несколько талантов, о которых пока умолчу. Опять же знания мои феноменальны, более чем энциклопедические и пользоваться я ими умею, как никто в мире...

– А ещё ты болтун? – перебил я наглого хвастунишку.

– Это называется ритор. Или оратор. Нет, это не самая сильная моя сторона, хотя развлекать компанию толковым разговором – большое искусство. Так что я, скорее, Леонардо, чем Кулибин. Правда, выдающимся данными рисовальщика не обладаю. Хотя и могу...

– Да замолчишь ты?! – рыкнул я приглушённо.

– Зачем? Моя госпожа не возражает. В разговоре и путь короче. Тем более, мы пришли, – он кивнул вперёд, на какой-то валун, возвышавшийся пером нами в сумраке нетёмной северной ночи.

– Куда пришли, балабол?

Плюгавый Кулибин вышел вперёд, и, подойдя к валуну, наклонился, покопошил там и... сдёрнул серое покрывало, оказалось, под ним был дрон. Большой наблюдательный дрон, которыми пользуется полиция, службы погоды и прочие государственные структуры, осуществляющие наблюдение, розыск и преследование любых объектов на поверхности.

Я только рот раскрыл. Он обманул госпожу каким-то образом и привёл её прямо к...

– И что это? Ты нас в ловушку, что ли завёл? Госпожа Ли, позвольте, я сверну шею мерзавцу.

– Помолчи, Одиноган, – поморщилась госпожа, устало озираясь, куда бы присесть, покачнулась даже. Вот так, Кулибин трещал как хвост гремучей змеи всю дорогу, а помолчать мне.

– Помогите госпоже, не видишь, едва стоит, – не оборачиваясь, проговорил Кулибин. – Я перепрограммировал этот дрон, на нём мы улетим отсюда.

Я подошёл к госпоже, она ухватилась за меня, едва не падая, пришлось приобнять её, в темноте лица было не рассмотреть, да она и склонилась, притулившись ко мне.

– Забирайтесь, – сказа Кулибин. – Кресло, увы, одно, я на пассажиров не рассчитывал, когда готовился бежать.

– Ты готовился?

– Я-я, а кто же? – Кулибин посмотрел на меня, забираясь внутрь сферы с малюсенькими плоскостями, используемыми для поворотов. – Залезай, что стоишь? Расположитесь уж как-то. Хоть и не слишком далеко лететь, но подняться придётся высоко и лавировать, чтобы не попасться под самолет. И идти по навигатору, управлять самому, автопилоту программу по выбранному нами направлению не задать. Надеюсь, нас не успеют сбить...

Внутри за креслом, куда уселся сам наш «пилот», а в его умении управлять этой штукой, которую, он, можно сказать, сам изобрел, потому что я уверен, что на всей планете не нашлось второго человека, способного даже придумать, это сделать, я уже не сомневался, места было очень мало, пришлось сесть прямо на пол, госпожа привалилась к моему боку.

Кулибин обернулся.

– Уселись? Неудобно и болтать вас тут будет, ты держи её, всё ж в положении...

– Ты откуда знаешь? – удивился я.

– Сказал же, врач я, и служил тут лекарем при дворце.

Он помолчал с мгновение.

– Нажми ей на ямку за сосцевидный отростком, она будет спать. Ей надо...

– За каким отростком?.. – удивился я.

Кулибин закатил глаза, слез с кресла, протиснулся к нам кое-как, потому что для третьего, даже такого шуплого человека тут места уж точно не было, протянул небольшую и удивительно длиннопалую руку к шее госпожи, коснулся там чего-то, и через миг её головка безвольно сникла, и вся она упала плечами мне на колени.

– Ты... что сделал?.. не убил её?..

Кулибин только глаза закатил и сказал:

– Пульс пощупай. Просто спит. Здоровый и дубовый ты.

– Ты полегче! – снова разозлился я.

Он лишь отмахнулся и полез назад в кресло со словами:

– Древнее искусство акупунктуры ещё и не то может.

Он нажал какие-то невидимые кнопки и тумблеры, в теперешней технике такого нет, работает по программам, засветились огоньки непохожие ни на какие, из тех, что мне доводилось видеть в мобилках, дрон тихонько загудел, дрожа и стел плавно подниматься.

Я вытянул ноги, удобнее устраивая спящую госпожу, и толкнул кулибинский рюкзачок, стоявший рядом с моим, он звякнул уже внушительнее, внутри явно было сто-то очень тяжёлое.

– Что у тебя там? – спросил я.

– Золото, что ж ещё? Госпожа Ли добыла...

... Именно так. Я добыла это золото, потому что бежать без золота, это сразу попасться. Поэтому я, не мудрствуя лукаво, направилась к Всеволоду. Не у Генриха же, в самом деле, мне было просить денег. И не у Ольгерда, конечно, который внешне проявлял отеческие чувства, но глаза его в глубине хитрых глазниц посверкивали обжигающим серым льдом, вроде повесенному подтаявшим, но острым.

А вот Всеволод, никогда лучше быть не старался, наоборот подчеркнуто вёл себя как мерзавец и едва ли не гордился этим. Во всяком случае, бравировал. И у него поэтому, наверное, был открытый взгляд ярко-голубых глаз, огромных и блестящих, как древние эмали из коллекций бабушки Агнессы, у нее было много древних ценностей, в том числе множество древних безделушек вот такого пронзительного синего цвета.

– О-о, Ли, милая, ты?.. Не ожидал тебя увидеть. Ты хочешь ещё подарок? – в своей противной вальяжной манере проговорил он, отвлекаясь от книги. Читал он всегда много, надо отметить, я часто его заставляла за этим занятием в Вернигоре, где он вечно мешал мне, появляясь в библиотеке, моём любимом месте во дворце, и здесь, хотя здесь книг было очень мало, мне когда-то пришлось туго, пришлось заказывать по всему свету. Между тем Всеволод продолжил, усмехаясь, как обычно. – Скажи, какой, я готов, несмотря на то, что ты мои подарки разбазариваешь. Куда дела Одинигана?

– Отдала в железный ящик.

– Врешь! – засмеялся Всеволод, захлопывая книгу «Бесы» Достоевского, интересно, впервые читает или перечитывает почему-то. – И самое приятное, чарующее даже, знаешь, что я знаю это, и ты понимаешь, что я знаю, и всё равно врешь! Наглое бесстыдное враньё.

И он взялся смеяться.

– Нет, честное слово, я обожаю тебя!

Я села в другое кресло, ужасно неудобное, как и вся мебель в этом замке, взяла виноградину в рот, необычайно ароматная и вкусная, у Всеволода всё и всегда самое лучшее.

– Дай мне золота, Всеволод, – сказала я, когда он, наконец, отсмеялся.

Он серьёзно посмотрел на меня исподлобья, выпил залпом бокал вина, стоявший на столике возле него:

– Нет. Я говорю, я не стану помогать тебе с побегом.

– Я не прошу помогать.

– То есть?

– То есть, просто дай мне золота. Ты меня никогда не увидишь больше. Хотя я и не стою так много, но... ты же мой дядюшка, просто сделай мне подарок.

Всеволод побарабанил пальцами по обложке книги и снова посмотрел на меня всё с той же усмешкой.

– Не уверен, что хочу никогда не видеть тебя.

– Всеволод, не придирайся, я...

– Красота это радость, и я не хочу лишаться этой радости. Да ещё за своё золото.

Ну началось, как он любит включать демагога и играть древнего мудреца перед маленькой дурочкой.

– Я просто тебя прошу, – сказала я. – Но мне надо много.

Всеволод перестал усмехаться, снова долго посмотрел на меня.

– Ты сказала «много». Сколько, в твоём понимании, это много?

– Сколько сможешь, чем больше, тем лучше.

– Здесь у меня много нет. Но... – он поднялся и движением руки приказал рабам покинуть гостиную. Меня же поманил за собой. – Идём, сейф у меня в спальне. Доверять здесь никому нельзя.

Я двинулась за ним в спальню. Большая красивая комната с арочным окном в три секции с видом на океан, здесь было едва ли не лучше, чем в моей спальне, Вернигоров уважали, отвели лучшие покои. Я остановилась у входа, по толстому меховому ковру Всеволод прошёл к красивому бюро справа от кровати с вырезанными сатирами, специально для него сделали, что ли, или нашли среди древностей, чтобы подчеркнуть характер владельца?

Он достал несколько мешочков, тяжеленьких и невзрачных, из плотной парусины, сейчас это очень редкий материал, весь мир пользуется синтетикой, живя в Вернигоре до побега с Всеславом, я и не знала, что все прочие люди в мире, включая богатых свободных людей, почти не используют натуральных материалов, а эти мешочки были из натурального льна, толстой парусины, с вышитыми вензелями его имени, не Вернигоров, а его личные «ВВ». Оставив внутри не намного больше, чем вытащил, Всеволод посмотрел на меня, щедро, надо сказать, я даже не рассчитывала.

– Я отдам тебе всё это золото, если расскажешь, как тебе удалось переманить Одиногана на свою сторону? Как все женщины, просто переспала с ним?

– Конечно, – кивнула я. – Как же ещё?

Всеволод снова засмеялся, качая головой.

– Снова врешь и снова мило, – добродушно, или, изображая добродушие, сказал он. – Бери, это всё твоё.

Я двинулась к нему, взять золото.

– погоди, – остановил меня Всеволод и позвал рабов, позвонив в колокольчик. – Уложите в ларец и отнесите в покои госпожи.

А потом, когда они вышли, заперев двери, посмотрел на меня:

– Твои скитания могут лишить тебя природного аристократизма, сама мешки потащила бы?

– Аристократизм не в том, чтобы не браться за грязную работу, – сказала я, действительно, глупо, как бы я донесла, мешки тяжёлые.

– А в чём же? – Всеволод глянул на меня и запер сейф.

- Быть аристократом – это низостей не опускаться, – сказала я, и развернулась к выходу.
- Хм... наверное, права ты, – сказал он. – Но...

И обошёл меня и остановился, глядя с усмешкой и покачиваясь, держа руки в карманах мягких домашних брюк.

- А я не аристократ духа.
- Нет.
- Поэтому... Ли, детка, ты же не думала, что я отпущу тебя просто так?
- Всеволод... – я отступила.

Если честно, я не подозревала, что он захочет чего-то такого, потому что не чувствовала влечения с его стороны, одно презрение или насмешки. Или страх, который заставил его подолзать ко мне Одинигана.

Поэтому, когда он вдруг обхватил ладонью мой затылок, притягивая к себе для поцелуя, я даже не сразу отреагировала, и оказалась на постели, подмятая его большим и сильным телом, с жадными и даже злыми жёсткими губами, прижатыми к моему рту, его жадный язык протискивался внутрь глубоко, прочти душа меня. Однако тут я очнулась совершенно и забила под ним, упираясь локтями, хотя, очевидно, было поздно, потому что они соскользнули, и получилось, что мои руки уже запрокинуты за голову, а ноги... он раздвинул своими сильными коленями, и почему он всё время обманывает мою бдительность, как ему удаётся это, не могу понять-а-а-ать...

Крик рвался из горла, но Всеволод зажал мне рот своим и придавил своим телом так, что стало нечем дышать, зато я почувствовала, как горячий нетерпеливый бур внедрялся в моё тело всё глубже и глубже... Толчок за толчком. Ещё и ещё, ещё и ещё... я хотела вырваться, хотя бы отвернуть лицо, но он стиснул мои волосы, как ни коротки они были, но достаточны, чтобы удержать. К счастью, возбуждение, владевшее Всеволодом, оказалось слишком велико. Он кончил очень быстро, зарывав и упираясь в моё лицо лбом, и стискивая ещё сильнее в своих медвежьих объятиях.

А потом приподнялся, улыбаясь, глядя в моё лицо.

– Ну не злись, Ли... – проговорил он, всё ещё не выровняв дыхание. – Я... помню, как ты была благосклонна ко мне... когда в прошлый раз украла у меня золото, теперь... теперь я надеялся на заслуженную нежность. Нет?

Я столкнула его с себя, оставаясь лежать распластанной, нет, раздавленной даже.

– Тогда ты кончила, детка... – он потянул ко мне руки, собираясь коснуться там, откуда только что выскользнул, насладившись. Не могу понять этого его наслаждения, какая ему радость? Нравится унижать меня?..

– Нет, – поморщилась я с отвращением и оттолкнула его.

– Да, да! – засмеялся Всеволод, откидываясь на спину и глядя в потолок. – Меня не обманешь.

– Какой же ты мерзкий, – прошипела я, поднимаясь и стараясь привести себя в порядок, хотя руки дрожали и не слушались, бельё было порвано, как и подол на узком и коротком платье. Впрочем, до своих покоев я дойду, в этой части замка никого не бывает.

Всеволод смехом ответил на мои слова.

– Зато я твой верный и единственный союзник. Хорошо бы тебе это, наконец, понять. Была бы ты умнее, плюнула бы на зазнайку Всеслава и просто стала бы моей maitresse. Я бы любил и баловал тебя. Тем более что у меня никогда не было официальных, да и вообще постоянных любовниц. А? Ли? Что ты молчишь?

Он приподнялся на локте, глядя на меня.

– Ох... ну что ты, как оскорбленная принцесса... – натянув приспутившиеся штаны, поднялся, застёгивая их, пригладил волосы. – Остановись... бежит... я помогу тебе. Хоть и обещал не помогать...

Он вышел в соседнюю комнату, принёс мне свой плащ, и вывел в гостиную. Кивнул охраннику.

– Отнёс ларец?

– Да, господин.

– Отведи госпожу в её покои, а ты, – он кивнул второму. – Гляди, чтобы её никто не видел. А потом повернулся ко мне, всё ещё держа за плечо, но уже мягко.

– Ты помни, что я сказал.

– Конечно.

– Не веришь мне?

– Нет.

– Вот и правильно. Никому и не верь. Все обманут, – и отпустил. – Удачи. Береги себя.

Я чувствовала слабость и отвращение, и добро бы к Всеволоду, но нет, больше к себе. Я знала, что этим может обернуться, и всё же пошла, просить золота именно у него. Но я знала и другое, только он и мог мне помочь. И помог.

Его охранники мастерски выполнили его поручение, дважды скрыв меня за колонной и второй раз в невидимом закутке коридора от встретившихся слуг, а второй раз от самого Генриха. Куда его несло в этой части замка сейчас? К самому Всеволоду?..

Оказавшись в своих покоях, я прошла в ванную и, отдав плащ Всеволода, приказала рабам немедленно отнести его владельцу. Сама же, не в силах сдержаться, склонилась над раковиной в рвотных спазмах.

– Одежду и бельё немедленно сожги, – приказала я рабыне, умываясь. – Принеси мне ножницы и специальную машинку для стрижки волос.

– Для какой цели, госпожа?

– Волосы обрить...

Та побледнела и кивнула, как все рабы здесь, не глядя в глаза. Она довольно быстро вернулась, я даже не успела раздеться.

– Госпожа, позвольте мне, это не так просто, а я всё сделаю аккуратно, – сказала она, поклонившись.

Я послушно села на стул и позволила ей срезать остатки волос с моей головы. Она работала аккуратно, и почти не касаясь меня. Результат мне даже понравился, то, что было отчаянным жестом, сделало меня... инопланетяжкой. Или роботом из старинных фантастических фильмов.

– Где ты научилась этому? – спросила я рабыню, убирающую инструменты.

Рабыня замерла на мгновение, видимо, не ожидала вопроса.

– Я недолго работала в «железном ящике», перед тем как... ну словом, иногда приходилось коротко стричь тех, кто... попадал туда. Особенно женщин.

– Там и женщины есть? – вырвалось у меня.

– Да, госпожа, женщин тоже наказывают... – она ещё ниже склонила голову. – Стригут не всех. Это тоже... часть их экспериментов. Или наказаний.

Вошли рабыни, обязанность которых купать госпожу, и, хотя больше всего мне хотелось остаться одной и с остервенением соскоблить с себя следы Всеволода, я не стала сопротивляться, чтобы не привлекать внимание своим поведением, в этом замке я не доверяла никому. Когда я выбралась из воды и легла на оттоманку, завернувшись в халат, чтобы остыть, вошла рабыня доложить, что пришёл лекарь. Да, он проверял моё состояние каждый день, в какой-то момент я поняла, что он русский, вернигорец, и сейчас не могла вспомнить, почему я так подумала. И только позднее, когда вспомнив его имя, я поняла, почему сразу решила, что он мой земляк. Кулибин.

– Как вы себя чувствуете, госпожа, – спросил он, считая мой пульс и озабоченно заглядывая в лицо. Он маленький и невзрачный, маленькое птичье лицо, приплюснутый нос, но что-то в нём было очень приятное, может быть живые и блестящие карие глаза.

– Плохо. Очень злая, – ответила я на его вопрос.

Он улыбнулся, что тоже было необычно, как и то, что он смело смотрел в глаза.

– Госпожа, пусть рабыни выйдут, – вполголоса проговорил он, чуть-чуть наклоняясь.

Я страшно удивилась, лекарь заговорщик, это уж совсем любопытно, а вдруг он хочет сообщить мне что-то дурное, а вдруг о Всеславе...

Когда мы остались с ним одни, он, несмотря на принятые предосторожности проговорил очень тихо:

– Госпожа, вы знаете, что беременны?

Я долго смотрела ему в глаза, размышляя, стоит ли согласиться, а значит, вступить с ним в сговор, точнее взять его в мой круг, потом кивнула.

В этот момент мы услышали шум и шаги, голос Генриха, который приказал всем рабам убираться из покоев. Мы с Кулибиным посмотрели друг на друга, и я показала ему на ширму, за которой стоял шкаф с полотенцами, куда он и юркнул. Я предполагала, что Генрих вскоре уйдёт, и мы с лекарем договорим.

Однако всё пошло совсем не так. Генрих буквально ворвался в ванную, увидев меня, рассвирепел ещё сильнее.

– Ты... ты что делаешь? Ты что с собой творишь? Ты... нарочно это всё?.. Думаешь отвлечь меня этими фокусами?! Какая ж ты...

И вдруг наклонился и сорвал меня с низкой оттоманки, перекинул через плечо, как мешок. Вот это что такое? Гены дикарей викингов? Куда тащит? Из окна выбросит на камни? Мне не было страшно, я только разозлилась.

Я завертелась и забилась со словами.

– С ума сошёл, немедленно отпусти меня!.. Ты слышишь?.. Генрих! Прекрати!.. – сопровождая эти слова ударами кулаков по его спине и попытками лягаться.

Но он уже бросил меня на кровать, и... ударил ладонью по лицу, оглушив на несколько мгновений, которыми он и воспользовался, срывая с моих плеч халат.

– Не смей! – заверещала я и ударила его несколько раз, куда попало.

Но Генрих навалился на меня, сжимая мою шею.

– Убью тебя... дрянь ты... – заревел он.

Я почувствовала во рту кровь, и воздух совсем перестал поступать в грудь, а он тем временем, разжал мои слабеющие ноги, намереваясь немедленно вступить в супружеские права...

И, конечно, сделал бы это, потому что я почти задохнулась, уже начало темнеть, точнее, как-то краснеть перед глазами, если бы... я не поняла, что произошло, он вдруг внезапно обмяк, но не упал на меня, а будто завис в воздухе, из-за его плеча выглянул Кулибин, оказывается, державший его за плечи.

– Простите, успокойте меня, госпожа, я прав, что вмешался?.. – он не спеша положил Генриха на кровать возле меня.

Я скатилась с высокого ложа, почти упала на пол, кашляя и почти ничего не различая от красного тумана перед глазами.

– Быстрее, надо выбираться... – прошептала я, боясь, что Генрих вот-вот очнется. – Бежать отсюда...

– Куда вы хотите бежать? – спросил Кулибин, не смея смотреть, как я одеваюсь в приготовленный мальчишковый костюмчик.

– Прочь с острова... Ты почему спрашиваешь? – я посмотрела на него, думая, что он уже видел и знает обо мне слишком много, чтобы пытаться его обмануть.

– Госпожа... Потому что и я хочу бежать... мы можем помочь друг другу. Я...

Я выпрямилась, застёгивая пиджачок.

– Отлично... – сказала я, кивая. – Бери золото, вон, ларец.

Кулибин обернулся, кивнул, взял ларец, тут же с ним перекосячившись.

– Идём, – сказала я.

– Идёмте, только вы до сих пор босая... – он кивнул на мои ноги, действительно в волнении я сделала всё, но забыла обуться.

Ну в общем, мы оделись, Кулибин заглянул к себе, в несколько мгновений собрав какую-то торбочку и сунув в неё мешочки Всеволода, и отправились через задний двор по тропинке к железному ящику, на которой нас ждал Одиниган.

Глава 7. Смешной подросток

Да, я хотел сбежать с острова, который все, почему-то считали самым красивым местом на Земле, а я ненавидел с первого дня, с первого шага моей тогда маленькой ноги на его чёрный песок. Мне даже кажется, я и не вырос в высокого статного красавца, каким был мой отец именно потому, что рос на этом ненавистном острове.

Меня, как диковину подарила Ольгерду на восшествие в правители Аглая Вернигор, никогда не понимал, почему она позволила всем называть себя Агнессой. Шестилетним я уже решал тригонометрические задачи, легко вычислял функции, рассчитывал лунные и солнечные затмения, высоту приливов, мог делать прогнозы погоды до недели и даже на сезон, в уме действуя по принципу алгоритма, синтезом объединял наблюдаемые признаки, и получались очень точные прогнозы. Землетрясений и извержений я предсказать не мог, потому что данными сейсмочувствительности, как у животных не обладал, а математическим расчётам эти природные явления не подчинялись, за что мне попадало, потому что исландцы весьма зависели от своих вулканов, не меньше, чем от бурь.

Поэтому, наверное, я увлёкся естественными науками, биологией и позже медициной, пытаюсь и их вогнать в красивые математические схемы. И это мне удавалось. Да, у меня напрочь отсутствовала интуиция и эмпатия, зато я был весьма внимательным и педантичным, и, складывая опять же в алгоритмы разные самые мелкие признаки, получал диагнозы, ну а лечение было уже просто делом схем. Впрочем, тут я вскоре понял, что обычные, но, правда, выдающиеся лекари, превосходили меня, потому что помимо схем использовали некое творчество, которое мне представлялось чистым шаманством, применяя средства и технику вовсе не по правилам, а потому что чувствовали, что конкретному больному надо назначить лечение, которое никому другому не подойдет. Так что я, будучи исключительным диагностом, лечащим был посредственным.

Зато инженер из меня вышел, конечно, гениальный. Но этого я уже своему хозяину предпочел не показывать, сделавшись с возрастом хитрее, и занимался изобретательством, что называется, в стол. Ещё моей тайной страстью была архитектура, но тут мне не хватало не столько знаний, хвала Ольгерду, он не был самодуром и допустил меня до всех возможных здесь способов образования, сколько терпения корпеть с чертежами.

Но вот о свободе приказал забыть раз и навсегда, когда я в восемнадцать пришёл просить её у него поле того, как спас от неминуемой гибели его единственного наследника Генриха, проглотившего кость, вставшую у него глубоко в глотке, отчего он заболел, и никто не мог разобраться, отчего у ребёнка кровохарканье.

Ольгерд долго смотрел на меня, выслушав мою просьбу о даровании свободы, потом рассмеялся и произнёс:

– Видимо ты шутишь, глупый русский раб, если считаешь, что я могу отпустить куда-то такого ценного человека. Ступай. Тебя наградят серебром и новыми книгами. Может быть, я даже возьму тебя в поездку с собой. Но только в качестве моего раба.

– Я останусь на острове, господин, только дайте мне свободу! – взмолился я. – Я буду служить вам всю жизнь, но свободным...

Тут Ольгерд перестал усмехаться и зашипел:

– А ну пошел вон отсюда! Ещё слово и отправишься в железный ящик!.. Свободным... ишь, надумал чего. Тут весь остров овец и рыбаков свободных, а ты уникал. И я на свободу тебя? Чтобы тебя наняли мои враги?! В своём ли ты уме?! Да я скорее уничтожу тебя, чем отпущу... Убирайся к себе!

Меня вытолкали, но награду я всё же получил: в качестве особого благоволения отвели отдельный дом, как у настоящего свободного человека. Здесь теперь хотя бы никто не мог

следить за мной и контролировать, как и что я делаю, пишу и черчу. Компьютер, во избежание той самой слежки, я использовать не мог, нарочно только играл в нем в игры и смотрел фильмы и виды разных городов, разрушенных Последней Войной, оставившей совсем небольшие куски суши обитаемыми. Вот на эти города, точнее, на их развалины я и мечтал взглянуть. Да, всему миру известно, что там радиация и, скорее всего, моя экскурсия станет фатальной для меня, но жить запертым на проклятом чужом острове я всё равно уже не мог. Наверное, поэтому я не планировал, что я буду делать после того, как доберусь до Запретной зоны.

Именно поэтому, наконец, придумал план, как мне сбежать. И надо же было случиться изумительному совпадению, что я наметил и полностью подготовил побег в тот именно день, когда на тот же поступок решилась жена наследника, которого я спас некогда от верной гибели...

Эта юная особа с первого её появления здесь вызвала мой живейший интерес. Во-первых, она была из Вернигора и, по сути, так же продана Исландцам, как и я когда-то. Она, настоящая царевна Вернигор, чистокровная правительница, третья на планете из всех правителей, потому что я, как и все вернигорцы, убеждён, что правители Вернигора выше всех прочих, что бы в других частях мира ни думали, и вот она, она! Ли Вернигор оказалась такой же рабыней, как и я. Может быть, даже больше подчинённой внешним силам и обстоятельствам. Меня хотя бы спать не принуждали с кем надо этим самым внешним силам. Хотя, не думаю, что кому-либо этого сильно хотелось, не то, что с красавицей Ли Вернигор. Нет, не подумайте, я имел связи с женщинами. Не то что регулярно, но часто, сексуальный аппетит у меня всегда был большой. Но не об этом. Я с первого дня наблюдал за госпожой Ли издали, невестой она была сказочной, одеяния вернигорской царевны ослепляли своей сказочной красотой, подчёркивая чудесную внешность невесты, которая освещала собой всё вокруг.

Потом госпожа Ли изредка попадалась мне на глаза, и я всё время думал, отчего она кажется мне такой грустной? Как такая юная прекрасная женщина, в таком прекрасном месте, горячо любимая мужем, может так грустить? И вот однажды... она исчезла. Общественности острова, конечно, не объясняли, куда делась госпожа, и хотя рабы шептались по углам, что она, распутная, сбежала со своим рабом, в сопровождении остальных своих личных рабов, я не верил в это. Создания такой совершенной прелести, а она была именно такой, я рассчитал математическую формулу её красоты, она была не просто безупречна, она была блистательна, так вот, совершенные создания не совершают подлых поступков. И не спорьте. Вы видели, чтобы животное совершало подлости? Я не хочу сказать, что Ли Вернигор животное, не в том смысле, она совершенна, как любое животное, как она свободна, чиста и чужда лжи.

Генриха обуяло суетливое сумасшествие после её исчезновения, по всему свету неслись сыщики, но вернул на остров госпожу Ли человек Всеволода Вернигора, что само по себе было странно, и я заподозрил здесь какой-то странный заговор, пока не мог понять, чей. И вернул в плохом состоянии. Тут-то меня и призвали как лекаря, осмотреть прекрасную госпожу. Каково было моё изумление, когда помимо сотрясения мозга, которое она получила, думаю, от рук Одинигана, судя по его виноватому виду, госпожа оказалась ещё и беременна. Срок был очень маленький, не уверен, что она сама знала о своём положении, но отцом этого ребёнка никак не мог быть Генрих. Вот потому я решил молчать, а позднее призвать госпожу Ли в свои союзницы и попросить помочь бежать. Остальное вы уже знаете.

И теперь мы втроем, самой странной компанией, какую только можно вообразить, летели в Запретную зону, чтобы... впрочем, у каждого была своя причина. Но одно я должен был прояснить.

– Одиниган, сейчас, когда никто не может услышать и наказать тебя, ответь, ты изнасиловал госпожу? – спросил я, отмечая, что пределы острова, его воды и сторожевые корабли мы миновали, а значит, мы совершенно свободны.

– Что?! – подхватился Одиниган. – У тебя в голове твоей, плешивой вообще ума нет?!

Я засмеялся.

– Ну и плешивый... не всем быть волосатыми как гризли, – сказал я. – Но ударил её всё-таки ты. Расскажешь?

Одиниган только фыркнул.

– Тогда я расскажу. Ты раб Всеволода Вернигора, значит, ты...

– Замолчи!

– Почему он отправил её найти, понятно, но почему ты её ударил? Ты не посмел бы сделать это сам, никто бы не посмел, как бы ни складывались обстоятельства, а значит... Почему Всеволод приказал убить госпожу? Значит, есть что-то, что заставляет его её бояться... или не её... Кто отец её ребёнка? Ты знаешь, если ты следил за ней всё это время, ты не можешь не знать.

– Иди ты к чёрту! Ты думаешь, ты Шерлок Холмс? – прошипел Одиниган.

– Скорее уж Пуаро. Хотя тоже нет, я гораздо умнее их обоих. И всех остальных ваших книжных детективов. Давай, не запирайся, говори, что там было?

– Ты же такой умный, догадайся сам, – огрызнулся злой индеец.

– Ну и догадаюсь, делов-то... Только Всеслав Вернигор мог заставить госпожу Ли так отчаянно сопротивляться любви Генриха. Значит, тишайшие слухи о них – всё чистая правда. Я всегда говорил, не бывает пустых слухов...

– Кому ты говорил?

– Самому себе, кому же ещё, от вас всех толку никакого.

– То есть, я тупица?

– То есть, да. Не обижайся.

– Но сейчас ты всё же со мной говоришь.

– Послушай, на кухне Исландцев живут два кота, больше всего в жизни я говорил с ними, так что... Это способ снять напряжение.

– А чего это ты в напряжении?

– Я впервые управляю этим драндулетом.

– Что? Ты шутишь, что ли? – воскликнул испуганный Одиниган.

– Чего орёшь-то? Я его собрал по чертежам, по всему, что нашёл в сети и книгах, переделал дрон в самолёт, причём такой, который не виден радарам, иначе сбили бы нас ещё на вылете с острова...

– Как это?

– Да это как раз несложно. Электромагнитный отражатель, ерунда. А вот вести этот дурацкий шар безумно сложно... как оказалось. Вот тебе и самая совершенная фигура. Хорошо, всё же додумался, хоть какие-то плоскости приделать... Я же не думал, что пассажиры будут... и лететь много часов, большую скорость мы набрать не можем.

– Почему?

– Мощности немного. Емкость батарей небольшая, это же не топливо, солнечной энергии только под солнцем много, в темноте только расход.

Одиниган помолчал несколько мгновений, а потом заговорил снова.

– То есть ты посадил госпожу в этот... как ты говоришь, самодельный драндулет, и куда и как мы долетим теперь неизвестно? – возмущённо высказался он, захотелось треснуть его по его орлиному носу, выискался умник.

– А что, был выбор? Я прям не могу, сидит, рассуждает... Вы-то, куда намеревались податься? К лодкам? Ну-ну, с прошлого раза под страхом лишения всех прав для свободных, а это значит, в будущем железного ящика, запрещено брать пассажиров на лодки и корабли без личного разрешения господина Ольгерда. Так что... поймали бы вас ещё в порту.

– Я угнал бы лодку.

– Управлять умеешь, угонщик?

- Ну и ты не умеешь.
 - Два часа летим, однако. И никто не видит и не знает, где мы. И не найдут.
 - Если долетим.
 - Долетим, недолго уже.
 - Откуда ты знаешь? У тебя же не работает навигатор.
 - У меня не работает навигатор, у меня его нет, потому что по нему нас могут отследить, его я снял первым. Но это сегодняшние навигаторы можно отследить через сеть, они работают от станций-ретрансляторов на Земле. А про спутники все забыли.
 - То есть? После Войны же они отключились, – сказал Одиниган, и я удивился, значит, не такой он и остолоп, кое-что знает об этом мире.
 - Они и отключились, но не так уж сложно было их включить.
 - Несложно? Это как?!
 - Перенастроил антенну и дело с концом. Ничего нет сложного, если хочешь.
 - Хочешь? А чего ты хотел?
 - Освободиться, если попросту, – не буду же я ему рассказывать о своих мечтах. Одиниган рассмеялся.
 - Чего ты? – спросил я.
 - Я думал, только я сумасшедший.
 - Госпожа тоже... не очень в своём уме, конечно. Совокупляться с братом тоже... не совсем нормально, хотя говорят, в Тёмном мире всё одобряют. Слыхал?
 - Наверное... только... они не брат и сестра, – будто нехотя произнес Одиниган. Я посмотрел за спину, он снова аккуратно приобнял госпожу Ли.
 - Ты точно знаешь?
 - Точно...
 - Ну... собственно говоря, я догадывался.
 - Есть хоть что-то, о чем ты не догадывался или не знал? – сердито проговорил Одиниган.
 - Чего ты злишься? Достаточно посмотреть на них, на всех Вернигоров и госпожу Ли, чтобы понять, что она не их крови. Сходство одно – сказочная красота, но её совсем иного рода. Думаю, её удочерили.
 - Сведений нет. И доказательств тоже, – сказал Одиниган. Искал их, значит.
 - Кто ж оставит сведения в деле такого рода, – сказал я.
 - Но она родилась в их клинике, там, в Вернигоре, никаких документов, хотя бы упоминаний о ещё какой-то роженице в то же время, кроме их с Всеславом матери Евы Вернигор в ночь её рождения... И после переехала в замок, ну то есть... во дворец.
 - Да-а... – с завистью протянул я. Об этой клинике, имевшей филиалы по всему миру, я слышал, как и о её руководителе, Никитине. Говорят, он чудеса творит, вот бы поучиться у кого, а то мои-то знания и умения только для Исландцев и годятся, от природы крепких потомков викингов.
- Впереди показались очертания скал. Это Геркулесовы столбы, Гибралтар. Мы достигли Запретной зоны...
- ...Я уснула мгновенно и так глубоко и спокойно, даже сладко, как не спала уже очень давно. Это был какой-то любопытный сон о путешествии, мы плавно летели на небольшой высоте, внизу был только океан, но сейчас была ночь, и он был не виден, но мы все чувствовали его. А яснее всего я чувствовала лёгкость. Настоящий полёт.
- И вот из воздуха сгустился Фос. Это был именно он, как всегда светящийся, струящийся светом. Но я позвала его:
- Серафим...

– Ты же узнала меня, Ли, – мягко произнес Фос. – Серафим не может прийти. Ты уже поняла, наверное.

– Почему? Неужели, он мёртв?

– Ли, ты так поглупела от беременности? Он не может умереть. Пока ты жива, жив Серафим.

– А дальше?

– Ты об этом сейчас хочешь узнать? Никто не знает. Как люди не знают, что с ними станет после смерти, так не знаем и мы. Удовлетворена?

Я только пожала плечами.

– Так где Серафим?

– Он теперь с Всеславом.

– Почему? – изумилась я. Не представляла, что ангел-хранитель может быть разделён.

– Может, Ли... – печально вздохнул Фос.

– Нас разделили. Некогда мы были единым целым, двумя сторонами одного существа. Но теперь Серафим существует без меня, только Ноксом.

– Разве так можно? Разве это правильно?

– Не нам рассуждать об этом. Серафим совершил два преступления одно за другим. И не раскаялся. Его предупредили в первый раз, но он всегда брал ношу не по себе... Сначала с тобой, потом с Всеславом. Он спас его тогда, когда не мог вмешиваться, потому что смерть Всеслава была наказанием тебе за то, что вы совершили с Серафимом.

– Что?!

Фос посмотрел на меня.

– За всё надо платить, Ли.

– Всеслав должен был умереть потому, что я ужасна?

Фос только пожал плечами.

Мне стало так горько, что я заплакала.

– Тебе не кажется... что я... слишком... дорого плачу? – еле-еле смогла проговорить я.

– Ты сама ответь на этот вопрос...

Фос приблизился и коснулся меня своей светлой светящейся прохладной рукой, у него всегда была такая рука, в отличие от руки Нокса, то есть Серафима, всегда плотной, горячей, согревающей...

– Ты хочешь сказать, то, что случилось между нами с Серафимом, это преступление? Это было отчаяние...

Фос покачал головой, с укоризной глядя на меня.

– Не с его стороны, Ли. Он любит тебя. Он так любит тебя, что спас Всеслава, нарушив ЕГО замысел. Пойти против самого Создателя... это такая глупость... и такое преступление... Только ради тебя. Он спас Всеслава очень дорогой ценой, даже жизнь может не стоить того, что потерял Нокс.

Его всегда очень светлые прозрачные глаза, глаза Серафима, потемнели в этот момент, будто небо заволочли тяжёлые снежные тучи, так никогда не темнели глаза у Серафима, синели иногда, становясь ещё теплее, но никогда не становились снежными...

– Я никогда его не увижу?

– Кого?

– Серафима.

– Не знаю, я не предсказатель. Но если ты увидишь Всеслава, а это неизбежно, если вы оба будете живы, а если вы встретитесь с ним, то и с Серафимом тоже.

– Фос, умоляю тебя, можешь передать Всеславу или Серафиму, где я?!

– А где ты? Где ты, Ли?!..

Мне показалось, голос растворился в эхо, с ним пропал и Фос, а я открыла глаза, просыпаясь. Я почувствовала то-то жёсткое, левая лопатка упиралась очень больно в... камень? Открыв глаза, я увидела, что я в пещере... Господи, почему в пещере?!.. Куда я попадаю всё время?!..

Я поднялась, точнее: попыталась подняться, потому что меня тут же вырвало. Мгновенно замутило и тут же вывернуло, хоть и пусто было внутри, а нашлась какая-то мерзкая пенистая жижа... хорошо, что тутошняя мелкодисперсная пыль тут же впитала эту гадость. Я, чувствуя необходимость подняться и выйти отсюда, поднялась и направилась к выходу, слыша шелест прибоа, но тепло здесь, солнце и воздух другой, мы точно не в Исландии.

Да, мы были совсем даже не в Исландии, красивые берега, золотистый песчаник и яркая бирюзовая морская вода, и такое же бездонное небо над всем этим, только совсем другая в нём синь. Это какая-то чудесная теплая местность. Одиниган и Кулибин о чем-то спорили, один с самодельной острогой, второй с мокрыми по плечи рукавами ругались, краснея шеями. Стоит добавить, что оба стояли по щиколотки в воде, с закатанными штанами. Картинка невероятно смешная, потому что один ростом был почти вдвое больше другого, вчетверо мощнее, и в десять раз волосатее, а сейчас казалось, что его длинные чёрные волосы и борода торчат дыбом и даже будто искрятся электричеством. У второго же, белокожего и рыжеватого никакой растительности на теле не было, да и на голове было не густо: сверкала маленькая плешь.

– ... Твои предки никогда и не ловили рыбу острогой, поедатели репы и кислой капусты! – кричал Одиниган.

– Ты думаешь, если ты вчера слез с дерева... – парировал Кулибин.

– Ах ты, мелкий...

– Стоп! – воскликнула я, подскочив к ним, кажется, предотвращая драку, которая могла закончиться превращением Кулибина в пирожок с потрошками. – Вы что?! С ума сошли?

Они обернулись, сразу теряя весь кураж, развернулись ко мне, чуть склонив головы, оба ещё чувствовали себя рабами, хотя оба были свободными людьми уже, по крайней мере, сутки.

– Он ничего не умеет, безрукий идиот!

– Заткнись, обезьяна! – огрызнулся Кулибин.

– Что у вас тут? Чего вы бранитесь, как торговки?

– Он...

– Так всё, молчать! Я всё поняла... – сказала я. – Один поймал рыбу, второй упустил, обычное дело, вы который раз в жизни рыбачите?

Мои балбесы переглянулись.

– Ну вот и нечего друг на друга бросаться, у вас не могло получиться с первого раза.

– Да мы чуть ли не с рассвета здесь! – рыкнул Одиниган.

– Семь потов сошло, – буркнул Кулибин.

– Не страшно, стираете рубахи, – сказала я. – Чтобы сор я не видела и не слышала больше. Ясно?

– Да, госпожа, – они поклонились синхронно.

– Госпожа, вы ранены, – сказал Кулибин.

Я нахмурилась.

– Да, госпожа, у вас кровь. И... синяки, – подтвердил Одиниган.

– Позвольте, я обработаю? – Кулибин двинулся ко мне из воды.

Он выбрался, быстро обулся и побежал назад в пещеру, возвратился с какой-то лампочкой, похожей на большой фломастер, я и поняла, что это лампочка, когда он включил её и из кончика полился едва заметный голубоватый свет, который он направил мне на скулу, на шею, губы... здесь сильно щипало, и даже звук я уловила какой-то вроде шипения, потом я увидела, что и на запястьях у меня синяки и ссадины.

– Это кто... кто это? Это... Исландец сделал? – тихо спросил Одиниган.

– Ну, а кто? Сурки напали? – буркнул Кулибин. – Спрашивает какую-то ерунду, топтыгин...

Одиниган побледнел, раздувая ноздри.

– Обсуждать вздумали? Не смей, – тихо сказала я, они потупились оба и замолчали.

Ссадины мои побледнели, потемнели, синяки позеленели от воздействия кулибинского луча, будто не секунды прошли, а неделя.

– Что это у тебя такое? – спросила я.

– Это я модифицировал излучатель Никитина, чуть-чуть сместил длину волны, сузил спектр, и немного расширил пучок...

Я понимала примерно десять процентов из того, что он говорил, восхищала его одержимая увлечённость своими изобретениями и открытиями. Нормальный гений да и всё...

Одиниган присвистнул, глядя на мгновенно поджившие травмы.

– Это любую рану так можно?

– Ну не любую, но многие, – ответил Кулибин.

Одиниган покачал головой с нескрываемым восхищением. Думаю, примерно такое же было написано на моём лице.

– Восхитительно...

– Не перехвалим тебя? – улыбнулась я.

– Нет, не перехвалите, хвалите ещё, госпожа, это так стимулирует, сильнее серебра. И даже сильнее золота, – кивнул Кулибин, расплываясь в улыбке.

– Ну хорошо, тогда будем хвалить, ты, Кулибин, настоящий гений.

– Это да, – ещё просиял Кулибин. – Счастлив служить вам, госпожа.

Я похлопала его по плечу, скорее потрепала, плечо у него было мосластое, но узкое почти как моё.

– Ну ладно, где мы с вами находимся? – спросила я, наконец.

– Гибралтар, западная оконечность Европы, – ответил Кулибин. – Это...

– Ну я знаю, где это, – ответила я.

– Не все господа знают, – заметил Кулибин.

– Господа те же рабы, вроде вас с Одиниганом, какими вы были до вчерашнего дня, только напрямую во власти правителей. Кстати, вы двое со вчерашнего дня не рабы оба. Тебя, Кулибин, отпускаю на свободу, как и Одинигана.

Кулибин поднял на меня заблестевшие глаза.

– Госпожа...

– Ну-ну, восторгаться будем, когда придумаем, как нам дальше быть. Есть идеи?

Они переглянулись растерянно. Понятно...

– Вот что, мужчины, вы оба хотели быть свободными людьми. Так или нет?

Они опять посмотрели друг на друга. Как дети, господа.

– Ну да.

– Да, конечно.

Я кивнула.

– А если так, то осознайте свободу внутри и начните принимать решения. Помогите мне. Я госпожа и я член семьи правителей, но сейчас я выброшена из семьи, выброшена из общей системы, из всех систем, я избита и я беременна, и разлучена с тем, кто мне дороже жизни и чьего ребёнка я, благословением Бога, ношу под сердцем. Так помогите мне, свободные сильные мужчины. Вы не рабы мне больше, но от вас во многом зависит моя жизнь.

Они внимали, но всё же были скованны и, похоже, все так же боялись меня.

– Я прошу вас о помощи, но ваше право оставить меня, потому что, если мы попадёмся, меня может быть и накажут, хотя, скорее всего, нет, но вас казнят. Так что... решайте сейчас.

Я пойму, если вы улетите и оставите меня. Даже рабы не должны отдавать жизнь за хозяина, а вы не рабы.

– Мне интересно, госпожа, вы от здешней радиации внезапно поглупели или раньше просто казались мне умной? – проговорил Кулибин. Одиноган толкнул его в бок, но Кулибин пожал плечами: – А что мне теперь бояться? Или Исландцы меня убьют, или госпожа меня убьёт, госпожа хотя бы прекрасное создание. Мне просто интересно, логика в чём у вас? Мы подорвались со своих тепленьких местечек, чтобы что? Чтобы тут же предать вас, кто придаёт смысл всему этому бунту? Я не знаю, о чем Гриззли думал, когда бежал, разве их поймёшь, косматых, но я кроме свободы ради последнего глотка её перед смертью ничего не искал, а вы изменили мои цели.

– Убью за «Гриззли»! – замахнулся Одиноган.

– Чего ты взъелся, потапыч? – хохотнул Кулибин, прикрывая голову. – На правду не обижаются.

– Вот же гадость! – прошипел Одиноган.

– Ну хватит вам, хуже детей, – негромко сказала я.

Тогда я просто подошла ближе и обняла их обоих, маленького Кулибина за плечи, великана Одиногана поперёк туловища.

– Нам нужен план, – сказала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.